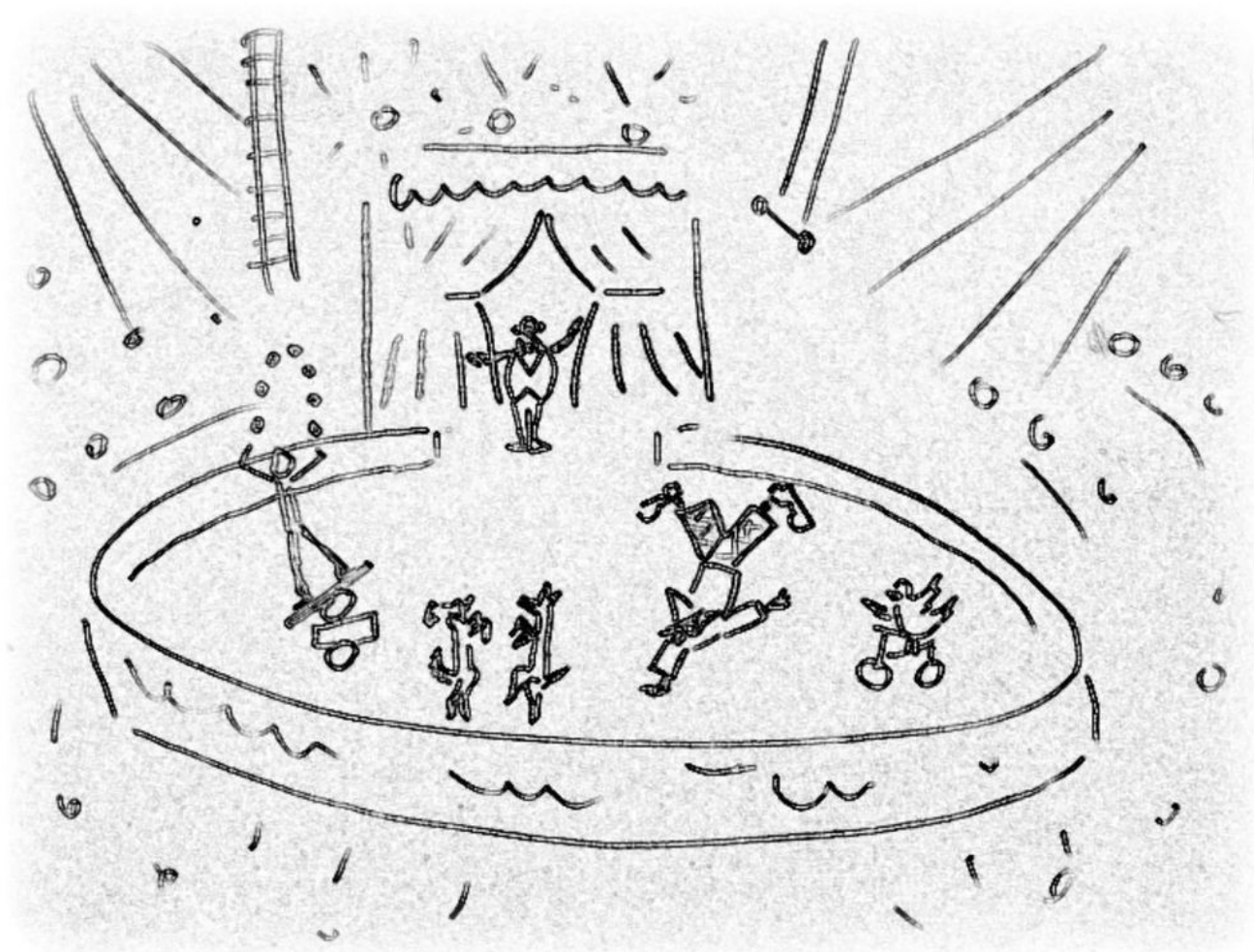

МАРГАРИТА ШАРАПОВА

ЧЁРТОВ КРУГ

Цирковые истории

Маргарита Шарапова

Чёртов круг. Цирковые истории

«Издательские решения»

Шарапова М. В.

Чёртов круг. Цирковые истории / М. В. Шарапова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909627-2

Слоны, морские львы, гастроли, дорога, любовь, приключения —
калейдоскопом проносятся по страницам книги, словно в ярком цирковом
представлении, где царят нелепые клоуны, отважные воздушные гимнасты,
смех и слёзы, детство и мечты.

ISBN 978-5-44-909627-2

© Шарапова М. В.
© Издательские решения

Содержание

Манит, звенит, зовёт, поёт дорога...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Чёртов круг Цирковые истории

Маргарита Владимировна Шарапова

Иллюстратор Маргарита Шарапова

© Маргарита Владимировна Шарапова, 2018

© Маргарита Шарапова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9627-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Манит, звенит, зовёт, поёт дорога...

В шестнадцать лет каждый день я ходила в маленькую церковь на улице Чехова. Там была репетиционная база московских групп «Цирк на сцене».

Однажды октябрьским вечером тысяча девятьсот восьмидесятого года наш коллектив #13 «Верные друзья» отбывал на гастроли в Литву.

Я позволила родителям проводить себя лишь до типографии «Известий», и там, в темной подворотне, мы наспех обнялись, и я убежала. Стеснялась, что увидят наши, как норовит поцеловать меня плачущая мама: только маленьких провожают, самостоятельных – никогда. Мне опостылило быть ребенком. Хотелось скорее вырваться в юность. Уже ликующе томило предчувствие: через сутки поезда в неведомой Клайпеде вдруг откроется новый мир.

У портала церкви нервно и весело шла погрузка в белый с красной полосой автобус реквизита и клеток с обезьянами и собачками.

Вскоре автобус отфырчал нас на Белорусский вокзал. Артисты переносили поклажу в вагон, автобусу же предстояло колесить к далекому Балтийскому берегу своим ходом.

Я выезжала на гастроли впервые и плохо знала коллектив. По моим понятиям давно наступила ночь – пять минут первого, но, едва поезд тронулся, по вагону разметнулась цирковая гулянка. Я радовалась, что попала в купе с посторонними и могу спокойно выспаться, хотя и завидовала «нашим» – я еще полностью не принадлежала к ним.

В шесть утра раздался легкий стук в дверь. Я соскочила с верхней полки. Догадалась: Эмилия Францевна. Пожалуй, вот еще кто не принимал участия в ночном разгуле – седенькая старушка-дрессировщица, задорная и верткая как первоклассница, и ее компаньонка Ната, величавая, будто самоварная ватная кукла.

– Через пять минут Витебск, – прошептала Эмилия Францевна. – Надо быстренько погулять собак.

Не успела умыться и дошнуровать кроссовки, как прибыли. Наш вагон не достигал платформы. Я спрыгнула на насыпь, а Эмилия Францевна с Натой посыпали вниз собачек. Неминуемо запуталась я в поводках и шлепнулась. Эмилия Францевна взвизгнула, а Ната оперным басом заматерилась. Собаки тявкали, гавкали, пищали, визжали, скулили, дергали поводки в разные стороны, а одна болонковидная шавчонка неистово трепала меня за джинсину. «Хочу домой!», – в истерике подумалось мне, но уже следовало запикивать псарню обратно и суетня поглотила внезапный ужас.

А следующий выгул в Даугавпилсе. Стоянка длительная, минут пятнадцать. Я уже умытая, попившая проводнического чаю и более уверенная в себе. Прогуливала мосек парами вдоль рельс и выговаривала непривычное: «Дав-гав-пилс... Дау-гау-пилс... Даугавпилс».

За составами не виделось признаков города, лишь чуточку здание вокзала в готическом стиле. Но сердце сентиментально заныло: вот я уже где-то совсем в другой земле, так странно называющейся, а значит, почти уже началась новая жизнь, где все будет не так как в былом. Само название города навсегда запечатлелось, хотя я там всего-навсего выгуливала минут десять собак. Даугавпилс – не географический пункт на территории Латвии, а неуловимый порог в зарождающуюся юность.

Почти весь день просидела я, уткнувшись в окно. Мои попугайчики не догадывались, что столь тихая девочка тоже из цирковых, и во всю перемывали шумной братии косточки. Под вечер я решила выйти в тамбур покурить. Тайно от родителей взяла с собой пачку «Явы» и сейчас, по привычке стесняясь взрослых, незаметно для соседей извлекла со дна сумки книгу и проследовала с ней в тамбур. Томик являлся убежищем для сигаретной пачки: в страницах его прорезана была секретница. Выковыряла пачку, сняла хрустящий целлофан, откинула козырек, вскрыла серебристую бумажку и выколупнула ногтиком сигарету. Понюхала.

Аромат незажженных сигарет – чрезвычайно приятен. Тяги к курению у меня не было, но я ужасно стремилась сделаться лихой, или хотя бы казаться таковой. Подпала кончик, наполнила рот дымом, и тут же он вырвался обратно – не умела затягиваться. Опять, напыжив щеки, набрала дым.

Внезапно открылась дверь и возникла Эмилия Францевна с кульком и бутылкой лимонада: возвращалась из вагона-ресторана. По школьной привычке дернула я руку с сигаретой за спину, а дым от неожиданности проглотила и закашлялась как простуженная кошка. Эмилия Францевна заохала, а когда я пришла в себя, вдруг спросила, для чего я подалась в цирк. Утирая едкие слезы, бормотнула: «Хочу путешествовать». Эмилия Францевна почему-то обиделась и, поджав губы, удалилась. А я прополоскала рот, выпихнула бутафорскую книгу через унитаз на рельсы и направилась по ходуном ходящим межвагонным сцепам в ресторан.

Села за стол напротив зеркальной перегородки и, любуясь на себя в зеркало, как можно независимей попросила у подошедшего официанта рюмку коньяку. Он ничуть не озадачился, а лишь скороговористо узнал, чего еще требуется. Замешкалась, припомнила: «Лимончик». Принес. А я расстраивалась: ну никто, никтошеньки не шокируется столь дерзким поведением подростка, никому нет никакого дела, даже неинтересно. Сидят, жуют, болтают, ковыряют в зубах. Но ведь я же, я, я, я тут! «Я так не играю», – возникла детская мысль. Выпила отвратительную как лекарство коричневую жижу, передернулась судорогой и в этот момент поймала насмешливый взгляд лиловоносого дядьки за дальним столиком. Досадуя, что творческий акт не задался легким и непринужденным, пососала кислую лимонную дольку и вновь передернулась. Вовсе расстроилась. Закурила. Вскоре с непривычки возникло головокружение и, наконец, развеселилась: «Все же, черт возьми, но сама по себе поездом еду в дальние края и... и как это здорово быть совсем уже взрослой!»

Оттягиваю антре потому что еще не готова вновь ступить, пусть и мысленно, на перрон в Клайпеде. Никак не могу подобраться к настоящему повествованию, хотя отчетливо вижу, как шагаю из ночного поезда на мокрую платформу, сеется мелкий дождик, дрожа игольчатыми шарами вокруг фонарей и... делаю первый вдох. Ну, вот и получилось!

Мы прибыли в половине первого ночи. Витал невидимый дождь. Фонарные столбы казались бенгальскими огнями – электричество отражалось искристо в брызгах. Доносился едва уловимый необычный аромат, мне подумалось, что поджариваемых кофейных зерен.

Наша группа проследовала сквозь вокзал и оказалась на площади, окруженной большими голыми деревьями. Здесь нас ожидал арендованный «Икарус». Сидений имелось больше, чем людей, но их заняли вещами. Все расселись, а мне не досталось места. Некоторые артисты смотрели на меня с изумлением, не понимая, откуда я взялась. Другие заметили за сутки в вагоне, но тоже удивлялись теперь, ранее не предполагая, что я с ними.

Тронулись. Я стояла на ступеньке возле передних дверей и в темноте застеколья старалась рассмотреть неизвестный город. Поначалу различала лишь смутные черные силуэты, непонятные тени и вдруг празднично вспыхнула красным неоном витиеватая латиница. Я по слогам разобрала: «Trikotajas» и чуть не рассмеялась в голос, но оглянувшись – никто не смотрел в окна: судачили сонно о чем-то, придерживая чемоданы и коробки, позевывали. И мой восторг остался неразделенным. «Как будто они каждый день тут курсируют!» – с некоторой обидой за город подумала я.

Теплым светом шестигранного фонарика над парадным возникла в узком переулке гостиница. Подъезд подсекал угол здания и выходил на перекресток.

Заполонили холл, и я увидела усталую бордовой ковровой дорожкой, прижатой к ступеням начищенными до блеска медными прутьями, лестницу с широкими полированными перилами и огромным зеркалом в резной раме на полуэтаже, где лестничный марш на повороте раздваивался на более узкие пролеты. «Роскошный отель!» – подумала оробело, но тут же озадачилась, приметив у окошка портье скромную табличку: «Гостиница 3 класса».

Муторное заполнение гостевых бланков. Встретив пункт «Цель приезда», я растерялась, но подсмотрела как заполняли другие и вписала: «Деловая командировка».

– Мне с тобой придется жить, – неодобрительно окинув меня взглядом, заявила похожая на статуэточку девчонка, и я догадалась, что это и есть та самая Лина, с которой мне предстоит репетировать акробатико-жонглерский дуэт. Помощницей у дрессировщиц я была заодно, а главной задачей являлось создание творческой пары. Собственно, вопрос о партнерстве за нас решила дирекция, а мы только сию минуту впервые и увиделись в этом ночном холле за тысячу километров от родного дома.

«Вредная», – приуныла я.

Нас поселили на третьем этаже. Лифт отсутствовал, и Лина возмущалась по этому поводу весь подъем, хотя еще внизу бесцеремонно вручила мне пару своих чемоданов.

– А где твои-то вещи? – между прочим сказала она. Я дернула плечом, имея в виду спортивную сумку, висевшую на нем, и Лина округлила глаза:

– И только?

Ей сходу не приглянулась наша, показавшаяся мне очень уютной, обитель, и мы немедленно занялись передвижкой мебели, причем напрягалась только я, а Лина руководила. Расставили все гораздо неудобнее, но капризница удовлетворилась. Забегая вперед, скажу, что наутро горничная заставила все восстановить как прежде и, конечно, корячилась опять я одна.

Лина выбрала кровать, а я села на другую, невольно ожидая, не последует ли еще указаний. Но Лина, напевая, выудила из чемодана нечто прозрачно-голубенькое и, не обращая внимания не то что на меня, а даже на незанавешенное окно, разделась донага и облачилась в это одеяние эльфов. Заметив мое благоговение, снисходительно усмехнулась:

– Ты что, пеньюара никогда не видела?

Я не видела, но не призналась в этом и молча полезла в сумку за фланелевой желтенькой пижамкой с неразборчивыми от застиранности утенятами. Переодеваться ушла в ванную.

Вернувшись, застала Лину устроившейся в кресле и полирующей маникюрной пилочкой ногти на ступнях. «Какая же она грациозная, – невольно отметила я и вздохнула. – И почему у всех красоток отвратительный характер?»

– Подай лак, – небрежно бросила Лина. Я исполнила и подметила, что мне, в общем-то, совсем не неприятно подчиняться ее прихотям.

Хотела разобрать постель, но вдруг, глянув в окно, заметила, что какой-то человек в свещающемся квадрате из крыла наискосок приветливо машет нам.

– Вон там, вероятно вас... тебя.

Лина помахала ладонью в ответ, и силуэт исчез, но через несколько минут кто-то постучал в дверь. Лина попросила открыть и, пока я ходила, накинула все же на себя махровый голубой халатик. Вступил вальяжный парень, и Лина тут же принялась с ним кокетничать. Он настойчиво звал ее в свой номер на бокал шампанского, но она лишь заливисто смеялась. Я изо всех сил боролась со сном и старалась не выглядеть сонной, хотя никому до меня не было дела. Казалось, их беседа не кончится никогда, но Лина неожиданно резко распрощалась и даже сама затворила дверь за молодым человеком. Хмыкнула:

– Полный идиот!

– А кто это? – буркнула я, наконец-то позволив себе забраться под одеяло.

– Понятия не имею, – беспечно сказала она и зевнула. – Проходимец. Я только и следила, чтоб чего не упер.

От изумления я даже не нашлась, что сказать, потому как думала, что это кто-то из цирковых. «Во дает!» – подивилась, что так вот запросто ночью можно впустить неизвестно кого и непринужденно болтать с ним, будто с давним знакомым.

Лина легла и произнесла ласково:

– Погаси свет.

Я хотела не отзывать, но тут услышала ее сонное дыхание, посмотрела – она заснула. Пришлось подниматься и выключать свет. Опять улеглась, свернулась беззащитным калачиком и вдруг опомнилась: ведь где-то здесь совсем рядом море! Подскочила, села. Море!!! О нем я беспрестанно мечтала все дни перед отъездом и грезила в поезде, а сейчас забыла. А ведь, может, оно прямо за стеной плещется... «Может быть, встать, одеться и выйти? Вот оно прямо за стеной, я слышу!»

Я никогда не видела море.

«Наверное, не засну», – решила в отчаянии, но тут же легла и сразу же провалилась в сон.

Постукивание теребило мозг. Разлепила веки. Еще темно, но, вероятно, утро, и это Эмилия Францевна тюкает в дверь. Шатаясь, натываясь на предметы, босиком прошлепала в прихожую.

– Дружок, шесть утра, – улыбнулась мне бодрая и свежая Эмилия Францевна, – спускайся.

– Угу, – и к умывальнику: горячей, холодной, горячей, холодной... Начала одеваться и неожиданно грянул гимн Советского Союза. Вскрикнула и машинально кинулась к радио на стене, увернула звук на нет. Руки нервически дрожали, сердце колотилось, но зато окончательно пробудилась.

Эмилия Францевна, Ната, собаки и обезьяны располагались на первом этаже среди служебных помещений.

Мне выдали тройку мелких собак и я сопровождала их за порог. Стылое утро, пар изо рта. Заулыбалась безудержно, осознав мгновенно, что все-таки я действительно, всамделешне уехала из Москвы, единственной реальности, которую до сих пор знала, и вижу наяву черепичные, слегка позеленелые крыши и... Но собачата рвали нетерпеливо поводки и утянули меня через булыжную мостовую на газон под стеной старого полуразрушенного нежилого дома. Там я отпустила Фантика, Белку и Чапу. Пока они суетились, рассмотрела нашу гостиницу. С виду угрюмое обрюзгшее серое здание, но я угадала в нем доброту и мудрость старикана, прожившего завидную жизнь. Вдруг подумала: «Я, наверное, такой же буду...» и испугалась, впервые заглянув куда-то очень-очень далеко, практически в несуществующее. Но отвлеклась, уловив в воздухе взволновавший вчера на перроне Клайпедского вокзала едва заметный аромат: «Что же это все-таки за флюиды?»

Вернулась, как и приказали, через пятнадцать минут за очередной партией мосек.

– Хорошо погуляли? – чирикнула Эмилия Францевна.

– Погода пасмурная, но приятная.

Ната, чистившая здоровенным ножом малюсенькую морковку, рявкнула:

– Спрашивается: покалились они или нет?

Я некоторое время осознавала, что означает «покалились», догадалась и смутилась:

– Не обратила внимания.

– Надо следить, – мягко укорила Эмилия Францевна, а Ната матюкнулась и шмякнула зло морковь в таз с водой, обрызгалась и прошипела:

– Возьмут, кого попало!

– Я артистка! – вырвалось у меня, и от этой истеричной хвастливости стало тошно: не работала я еще на профессиональной сцене.

Ната ухмыльнулась. Эмилия Францевна, опасаясь конфликта, быстренько одарила меня очередными шлейками и подтолкнула к выходу. В коридоре я услышала вслед себе Натин матюшок и совсем пала духом, ведь предстояло работать с этой фурией три гастрольных месяца, а начался, считай, лишь первый день.

За Чарликом, Бубликом и Марсиком я уже бдила, но ужасно неловко себя чувствовала, когда они, повертевшись волчком, приседали с выпученными глазенками.

Вернулись. В комнате, вопреки моим наихудшим предположениям, царила вполне мирная атмосфера. Ната даже изобразила подобие улыбки.

– Ну?

– Да, – кивнула я и залилась краской. – Покалились.

– И Марсик?

– И Марсик.

– Как следует?

Тут я опять растерялась. Отметив сам факт, не придавала значения количеству и качеству случившегося. И мне внушили, что надо подмечать все нюансы: состав содержимого, плотность, цвет. Я дулась, подозревая, что это издевательство, но Эмилия Францевна терпеливо пояснила, что животные не могут словесно пожаловаться на самочувствие, поэтому и следует неравнодушно относиться к их отправлениям. Я согласилась, что, пожалуй, это истинно и, выведя очередную стайку, всматривалась в собачьи экскременты с дотошностью исследователя.

Десятым в псарне был Дик, единственный крупный пес, белый, кудлатый, шалый. Он сразу же натянул поводок и понесся как велосипед. Я едва поспевала следом. Мы умчались изрядно, а Дик все не сбавлял ход, даже ногу задирал на полном ходу. В конце концов, я кое-как затормозила, уцепившись за фонарный столб. Дик немедленно повернул назад и с такой же целеустремленностью завелосипедил обратно. И присел даже наспех, тут же припустив дальше, так что я не разглядела показатели его здоровья, но посчитала, что вряд ли такой парень подведет.

После выгула предстояло вычесывание собак. Только трое – лысенькие, остальные – пудельки, болонки и помеси пудельков с болонками. Дик же, как выяснилось, являлся венгерской пастушечьей породой – пули.

Освободилась я около девяти утра. Отпустили до часу, когда предстояла дневная прогулка.

Поднялась в номер. Лина все еще спала. Дико позавидовала, потому что уже успела вымотаться, а она все еще нежилась по-барски в постели. Решила мстить. Достав из сумки теннисные мячи, принялась остервенело жонглировать, нарочно градом роняя их на пол. Лина не замедлила отреагировать.

– Чокнулась что ли?! – резко села она. – То как медведица топала на рассвете, радио включала, теперь совсем озверела!

– Нам надо репетировать, – огрызнулась я.

– Успеется! Проваливай в коридор! – Лина вновь уютно улеглась, а я поплелась в коридор, хотя мне менее всего хотелось кидать мячи. Но все-таки отыскала в дальнем конце этажа небольшой тихий холл с пальмами в кадках и с полчаса побросала волосатые мячики. Но вдруг вспомнила про море и в очередной раз поразились, что мысль о нем, такая навязчивая вдали, здесь постоянно покидает меня. Быстро возвратилась в номер, спрятала мячики в стенном шкафу прихожей и, даже не приоткрыв дверь в комнату, потихоньку улизнула, злорадствуя: «Пускай думает, что я репетирую!»

Вышла из подъезда и остановилась. Четыре переулка тянулись в разные стороны. Куда направиться? Все вокруг неведомое, кроме разве что газона напротив и пустынной улочки за ним, которую я и не рассмотрела в галопе за Диком. Но через каких-то полчаса я уже буду знать, куда ведет, например, вот эта улица, по которой я сейчас пошла, и что всю жизнь скрывалось вот за тем поворотом. Повернула... нет, не увидела моря. Чуть не спросила у первого же встречного, как пройти к морю, но решила – пусть отыщется само, так будет по-настоящему.

Улица называлась Пяргале. У моста через речонку Дане стоял на причале белоснежный парусник, именовавшийся «Регата». Облокотившись на чугунные перила моста, я представила, будто стою на палубе и бью вон в тот до сияния надраенный медный колокол. Пошла

дальше и у рынка, в книжном магазине купила красный томик, автором которого значился Leonidas Brejnev. Конечно, исключительно ради смеха, заранее представляя, как позабавятся московские приятели. Глянув на часы, увидела, что стрелки приближаются к часу, а море так и не обнаружилось. Опечаленная, повернула обратно.

Номер дрессировщиц оказался запертым, и на мой стук раздавались лишь лай и обезьяний клёкот.

В недоумении поднялась к себе на этаж, и тут ситуация прояснилась. Вся труппа сгрудилась в большом холле и что-то оживленно обсуждала.

– А вот и она! – объявил Курнаховский, директор коллектива. – Что же это вы, голубушка, игнорируете собрание?

Директора за глаза прозывали «журавлем», и в самом деле он – двухметрового роста, и при этом сух и костист. Ему стукнуло уже лет шестьдесят, но он отчаянно молодился: пользовался дамскими кремами для лица, слегка тонировал губы, немного румянил щеки и, кажется, даже подводил глаза.

– Я не знала, – смятенно от всеобщего внимания пробормотала я.

– Ей утром сообщено было, – протрубила Ната.

– Когда? – отчаялась я: «Врет же, врет!»

Курнаховский поправил атласную розовую бабочку под острым кадыком на гусиной шее.

– Линочка репетировала, – сладко улыбнулся он в сторону моей партнерши, – а вы где-то бродите.

– Ре-пе-ти-ро-ва-ла? – поразила я.

– Да! – раздался нахальный голосок Лины. Она восседала на подоконнике с желтыми теннисными мячиками в руках: короткая юбочка, длинные ножки. С ехидством улыбнулась мне:

– Все видели, как я только перед собранием закончила жонглировать.

«Ну и стерва! – негодовала я внутренне. – Дрыхла ведь!» Хотела восстановить правду, но тут Ната пожаловалась, что я не явилась выгуливать собак в час дня, хотя час дня именно сейчас и пробил, и я явилась, но даже сей очевидный факт доказать оказалось невозможно. Оправдываясь, сопротивляясь, защищаясь, я еще больше увязла в нелепейших грехах. Счастливая Ната изрыгнула:

– Артистка!

И в запале я сообщила всем, что она ругала меня нецензурно. В холле повисла пауза, а потом грянул хохот. Курнаховский, отсмеявшись, обратился к покрывшейся бело-красными пятнами, единственно не хохотавшей Натe:

– Наталья Борисовна, неужели это правда?

– Я с ней работать не желаю, – отрубила Ната.

И Курнаховский, элегантно жестом проведя холеной ладонью по волнистой седой шевелюре, пропел мне:

– Какая же вы, деточка, склочная. Не успели прийти в наш дружный коллектив, а уже конфликтуете.

Я молчала. Мне уже сделалось все равно. Простояла все собрание истуканом и ничегошеньки не слышала. Внутри клокотало. Ну отчего они меня возненавидели?! Вот тебе и новая жизнь, самостоятельная, необыкновенная! Хочется немедленно домой, чтобы мама пожалела... домо-о-ой! «Я уеду, уеду, сегодня же уеду!» – колотилась мысль в голове.

Когда собрание закончилось, я вернулась в номер и легла на кровать лицом вниз. Вошла, напевая чего-то беззаботное, Лина. Раздалось позвякивание ложечки о стакан и вдруг веселый вопрос:

– Тебе чай или кофе?

Я перевернулась. В стакане бурлил кипятильник. Лина распаковывала коробку сахара и улыбалась мне так, будто ничего не случилось.

– Как же так, – убито произнесла я, – разве утром я не звала тебя репетировать, а?

– Да брось ты о пустяках, проехали!

– Почему на меня все взъелись?

– Будь проще. Никого ты не интересуешь. Думаешь, кто-нибудь помнит, что там творилось на собрании? Это все так, игра, от скуки цирковой, а ты новенькая, терпи.

Прихлебывая чай, я продолжала угрюмо размышлять: «Нет, на фиг мне такие игры, брошу все и в Москву!»

Зашли партерные акробаты: коренастый Володя и стройный Вовочка. И они улыбались, и говорили со мной так, словно пятнадцать минут назад ничего такого не произошло. Лина и их напоила чаем, а потом они втроем отправились гулять по городу. Меня не пригласили, и я опять затосковала, но вспомнила про море, и пошла ходить по улицам в поисках берега. Пересекая мост, увидела на палубе той самой белоснежной «Регаты» Лину – она бесшабашно колотила в блестящий колокол и звонко кричала:

– Свистать всех наверх! Отдать швартовы! Полный вперед!

Я всерьез оскорбилась, будто бы она сплагатировала мою мечту.

Долго ходила, устала, но опять не нашла море.

Вечером Лина куда-то наряжалась. Подвила электрощипцами иссиня-черные локоны, наредила длинные пушистые ресницы, и ее карие глаза сделались особенно манящими, очертила кроваво подвижный рот, надела переливающееся зеленое в обтяжку платье и лакированные как нефть туфли на высокой шпильке. Я делала вид, что читаю местную газету «Советская Клайпеда», но не выдержала:

– Ты куда?

– В кабак. Завтра начнем работать, а начало принято отмечать.

– А я?

– А ты-то здесь при чем? Ты маленькая.

И я стиснула зубы от такой откровенной наглости, ведь ей самой – всего восемнадцать. Впрочем, хотя Лина и была старше меня всего на год с небольшим, дерзости и уверенности в ней содержалось несравнимо больше. «Ну и ладно!» – уткнулась я в передовицу, но свежие новости абсолютно не волновали. Когда Лина уцокала, я зажгла торшер и, развалившись в кресле, закурила. Впервые после случая в поезде. Глядела на смутное отображение в окне. Дым красиво струился вверх, и настроение постепенно улучшилось. Ну, разве я могла себе такое позволить дома при маме с папой? И отпустили бы меня поздно за порог? А тут я могу запросто встать и направиться куда захочу, и хоть всю ночь не возвращаться. Разволновалась: «Чего сажу-то?» И спустилась в бар, посещение которого являлось еще одной моей сокровенной мечтишкой, и вот она свершалась.

В баре полутьма, негромкая музыка. Я присела на высокий пуф возле стойки и выбрала коктейль. Получила набитый льдом узкий длинный стакан с торчащей пластмассовой трубочкой. Первым делом выловила сливку и слопала ее, потом пососала содержимое и отставила: спиртное даже в легком варианте вызвало тошнотное ощущение. Ко мне подошел подвыпивший рыжий здоровяк и заговорил. Я вежливо, но неохотно отвечала, как вдруг выяснилось, что он моряк и их судно только сегодня пришло в клайпедский порт. Страстный вопрос вырвался у меня:

– А где же море?

И оказалось, что надо плыть паромом через залив, а потом еще пересечь Куршскую косу. Я поняла, почему, блуждая по городу, никак не могла обнаружить моря, хотя чувствовала его незримое могучее присутствие. Поинтересовалась:

– А куда вы плавали?

– В Исландию, – усмехнулся почему-то он. А я внезапно вспомнила, как в девятом классе видела по телевизору документальный фильм об Исландии и очаровалась этим остро-

вом. Честно признаться, более всего мне понравился в этом кино паренек, работающий грузчиком в порту: льняные, взвивающиеся от ветра длинные волосы, худенький, но так лихо швыряющий пузатые бочки, при этом еще и улыбаясь в камеру.

Моряк представился Александром и сказал, что привез из Рейкьявика много разнообразных сувениров и хочет сделать мне презент. Мы двинулись к нему в номер.

Когда выходили из бара, столкнулись с администраторшей нашего циркового коллектива «Верные друзья» Любкой. Она как раз распахнула ресторанный дверь, находившуюся впритык с баром, и остолбенела, узрев меня с краснолицым рыжим детиной, но тут же хищно сузила глаза и скрылась обратно в ресторан. Я обрадовалась: «Они-то полагали, что несчастная девочка торчит заброшенно в номере, а я – ого-го, не тут-то было!» Но радовалась напрасно, потому что Любка наплела, будто я и на ногах не держалась и меня волок лапая и целуя в засос пьяный мужик.

Поднялись к моряку. Он жил почти напротив номера, где остановились мы с Линой. Комната забита чемоданами и огромными коробками. Александр усадил меня на кровать, отыскал в бауле пестрый глянцевоый журнал и сел рядом, сунув его мне в руки. Я листанула и немедленно захлопнула. Жар окатил лицо. Туркнула журнал Александру. Он искренне удивился:

– Ты чего? Это же «Плейбой», его запрещено провозить, контрабанда. Стесняешься, что ли? На, не робей, посмотри...

– Неа, неа, уберите, или я уйду.

Он замялся, сам полистал журнал, надеясь, что я все же заинтересуюсь, но я отвернулась. Александр кашлянул:

– Я закрыл.

– Честно? – недоверчиво покосилась. Да, закрыл и отложил. И смотрел на меня обалдело. Спросил с глуповатой улыбкой:

– Ты чё, девственница что ли?

И я опять залилась краской. Конечно, так и было, но говорить на такие темы мне не хотелось.

– А чего же ты сидела в баре одна и так легко со мной разговорилась и пошла?

– Но я, то есть, но вы...

А он вдруг трезво и очень серьезно проговорил:

– Выходи за меня замуж.

И стал рассказывать, как грустно и одиноко возвращаться ему после моря к себе домой в Гусь-Хрустальный, где его никто не ждет, что он давно хочет жениться на хорошей чистой девочке, что ему опостылило общаться лишь с проститутками в портовых городах.

– Да вы ведь старый...

– Тридцать пять всего!

– Это даже чуть больше чем две моих жизни.

Он принялся уговаривать, убеждать, увещевать, но я категорически отказывалась. Обеспеченность, покой – нет, я мечтала не об этом и, вообще, еще не намеревалась замуж. Жизнь только собиралась начаться, и сколько интересного ждало впереди, а тут предлагают такую скуку. Я затосковала и сообщила, что мне пора. Александр сник, протянул на память золотую цепочку с бриллиантовой капелькой, но я не взяла. Тогда он, с грустью глядя на отвергнутый подарок, тихо сообщил:

– Теперь я буду кутить.

С остатком надежды посмотрел на меня:

– Может, передумаешь?

Но я попросила у него жвачку, он дал, и мы распрощались.

Вернувшись в свой номер, застала там Лину с незнакомым мужчиной, походившем постоянной белозубой улыбкой на американца. Они пили шампанское с дорогими шоколад-

ными конфетами. Также повсюду оранжевели шкурки апельсинов. Оказалось, что и гость Лины – моряк, и именно с того самого судна, что и мой недавний жених. Лина, кстати, заявила, что Любка пожаловалась на мое поведение Курнаховскому.

– Глупая ты, – хмыкнула она. – Кто же в открытую встречается с гостиничными мужчинами? Вот Виктор пришел ко мне, а никто и не заметил. Учись!

Я промямлила, что ничем предосудительным не занималась.

– Вовсе дура! И не занималась, а влипла!

Затем она сообщила, что идет с Виктором на всю ночь в ресторан «Регата». И я мысленно плюнула. И этот романтичный парусник предал – не бороздил он морских волн, а содержал в своем чреве банальное питейное заведение.

Они исчезли, я легла спать, но никак не могла заснуть, перевозбужденная событиями дня, а когда только начала засыпать, ввалились Лина со спутником. Оба уже абсолютно пьяные, но вновь принявшиеся за шампанское. Произносили громкие тосты, смеялись и, кажется, целовались. Я лежала лицом к стене и притворялась спящей. Потом они погасили свет и легли вместе. Я обрадовалась, что наконец-то уснут, и незаметно перевернулась на спину, потому что совершенно отлежала правый бок, но тут услышала звуки, которых раньше никогда не слышала, но сразу догадалась, что они означают, и опять отвернулась. Хотелось вскочить и убежать, но не смела даже пошевелинуться, потому как более всего боялась, что они поймут: я – свидетель. «Мама, мамочка, – заскулила мысленно, – если бы ты знала...» И вдруг ужаснулась, ведь я даже не позвонила родителям, не отбила телеграмму, забыла, а они там наверняка с ума сходят и, конечно, теперь тоже не спят. Я беззвучно заплакала, прикусывая подушку, и молила: «Скорее бы это кончилось!» Вскоре соседи опять пили шампанское и опять гасили свет. И еще пили. Когда утомонились и заснули, я все еще лежала с вытаращенными в темную стену заплаканными глазами и совершенно ни о чем не думала.

Очнулась от тихого постукивания в дверь. Чувствовала себя разбитой и несчастной. Механически поднялась и отворила дверь Эмилии Францевне.

– Детка, мы тебя ждем, – раздался ее невинный лепет.

– Хорошо, – депрессивно отозвалась я. Автоматически умылась, оделась, спустилась. Вручая собак, Эмилия Францевна обеспокоилась:

– Дружочек, что с тобой? Синяки под глазами. Не заболела?

– Все нормально, – почти беззвучно произнесла я и отправилась на улицу, горько размышляя о том, что вот я всегда ненавидела свое румяное лицо с глупыми ямочками на щеках и мечтала о впалых бледных скулах и тенях под глазами, потому что это свидетельствовало, по моим представлениям, о загадочной душе, и вот грезы превращаются в явь, а мне вовсе и не весело.

Клайпедский воздух свеж и холоден. Мглистые силуэты зданий еще не тронутые солнышком не походили, как это казалось днем, на разноцветные пряничные домики. Туман, тишина. Я подолгу бродила с каждой партией собак по серым стылým улочкам и никого не встречала. Подумала: «Ранняя Клайпеда принадлежит только мне». И это утешило.

Когда вычесывала собак, узнала, что сегодня в три часа сбор у подъезда гостиницы на выездной концерт. Ната съязвила, что как всегда я не в курсе дела и опять матюкнулась, но меня брань уже не задела. Я лишь с печалью отметила сама про себя: «Ну, вот и взрослею...»

В три часа возле входа стоял тот самый белый с красной полосой «ЛИАЗ», что подвозил нас в Москве от церкви до Белорусского вокзала. Я едва не опоздала, потому что бегала на Главпочтамт звонить домой, а потом еще и искала, где же находится причал парома, который переправляет через Куршский залив на косу, но опять же не нашла. Кстати, маме я наврала, что будто бы видела море и, когда она поинтересовалась, какое оно, то растерялась и брякнула: «О, это так много-много воды!»

Музыканты, получающие по рублю в день доплату как грузчики, затаскивали в автобус концертные пожитки и клетки с животными. Я села на свободное место, но меня тут же попросил освободить его клоун, по жизни очень степенный человек, Эдуард Иванович. Я пересела, но и оттуда вежливо согнали. Оказалось, у каждого имелось привычное сидение и пришлось забиться в самый угол задней банкетки, где грудились музыкальные инструменты.

Тронулись. Миновали город, потянулись поля, одинокие хутора.

Иногда на горизонте возникал острый как ракета костел, приближался и вдруг делался громоздким, внушающим трепет, удалялся и снова превращался в ракету, нацеленную в пасмурный космос.

В Шилуте, первом нашем гастрольном городке, автобус уже поджидали мальчишки. Они шустро взялись за разгрузку. За это их после пропустили без билетов.

Я сразу стала выгуливать собак. Всех десятерых вместе. Карликовый пинчер Чарлик вдруг воспылил любовью к слишком верзилистой для него Белке и полез на нее. У крылечка покуривали Лина и жонглер Кукушкин.

– Чем отличаются животные от человека, – осуждающе заявила Лина, – так это тем, что у них нет стыда. Разве вот мы смогли бы так совокупляться публично?

Кукушкин хихикнул.

Я подняла незадачливого ухажера на руки и погладила дрожащее лысое тельце, сама же зло подумала: «Кто бы говорил, но не она!»

Внутри дом культуры – сумрачный, пустой, гулкий, выстуженный, но уже через полчаса он выглядел обжитым и веселым. Во всех гримерных ярко горел свет, сверкали зеркалами трюмо, и повсюду появилось множество повседневных вещей, будто наши намеревались обосноваться тут навсегда.

До представления оставалось с полчаса, и я хотела пошататься по городку, но Лина возмутилась:

– Ты чего, нам же надо с вазой порепетировать!

Я и забыла совсем, что мы с ней еще и ассистировали в иллюзии у Мирославы Чесливьской, пятидесятилетней дамы, заявлявшей, будто она княжеского происхождения, что, впрочем, не мешало ей являться парторгом наших «Верных друзей».

Ваза представляла собой обшарпанный фанерный цветок на колесах размером с коробку от большого телевизора. Расписана под хохлому, причем так хитро, что казалась зрительно меньше, чем есть по сути. Иллюзионистка выливала в сердцевину с десятков не менее хитрых ведер воды, которые снаружи – обычного размера, а внутри заужены и укорочены, затем лепестки откидывались, из чаши выскакивали две девушки, а вода якобы исчезала, но она оставалась в полых внутренностях лепестков.

Чесливьская вручила мне газовое платье с балетной пачкой, но оно оказалось маловато и даже при примерке треснуло.

– До тебя мы с Алькой, гимнасткой на трапеции, работали, – сказала по секрету Лина, – но они с Чесливьской полаялись. Это Алькино платье.

Чесливьская раскудахталась на весь дом культуры. Курнаховский тотчас удалился на своих журавлиных ногах в зрительское фойе: «Надо проконтролировать, как у Любки дела с билетами». Любка-администраторша помимо прочего служила и кассиром, и контролером. Чесливьская вдогонку прокляла Курнаховского замысловатым польским ругательством, заодно досталось и Любке, потом накинулась на нас с Линой. Лина щебетнула: «Ой, там же у меня кипятильник включен!» и уюркнула. Я осталась одна.

– Почему у тебя нет костюма?! – визжала, словно в припадке, княжна Чесливьская.

Неслышно подошел клоун Эдуард Иванович и предложил взамен балетной пачки арлекинское в красно-синие ромбы трико своего сына, такую же ромбовидную куцую жилетку и раздваивающийся колпак, на концах которого побрякивали ржавые бубенцы.

Чесливьская моментально успокоилась:

– Превосходно, пусть будет Арлекином, а Линка-дрянь – Мальвиной.

И я переоблачилась Арлекином. Чувствовала себя несколько неловко в незнакомом костюме, хотя он и пришелся впору, просто содержалось в нем нечто идиотское, красноречиво подтверждающееся и ироническими взглядами, и соответствующими улыбочками окружающих.

Появилась Лина, слегка прикрытая полупрозрачной розоватой оболочкой с блестками, и рассмеялась, увидев меня в дурацком наряде, еще и шлепнула ладошкой по бубенцам. Рядом с ней я вовсе превратилась в юродивого.

Набывчившись, я отошла к занавесу и уткнулась в дырочку, проделанную в пыльном плюше: зал набился битком, сидели даже на полу, а некоторые вскарабкались в полукруглые ниши под потолком. Возгордилась, что наша скромненькая программа собрала столько народу, но и расстроилась, так как придется демонстрировать себя в шутовском виде.

Иллюзионистка выступала последней, потому что после ее аттракциона сцена оказывалась в мишуре, серпантине, блестинках и прочем праздничном мусоре, который собирали минут пятнадцать.

Собаки с обезьянами шли в середине программы. Ната и Эмилия Францевна привязали живность в самых неожиданных местах закулисья, и выходящие на сцену артисты шарахались и ойкали, неожиданно наткнувшись в темноте на шавку или оскалившуюся обезьяну. Меня поставили в узком проходе возле задника с бадминтонной ракеткой перед макакой Чикой, привязанной на цепочке к батарее. Требовалось постоянно грозить ей, ибо ее периодически сводил судорогой нервный припадок, и она остервенело кусала свою атласную юбочку и срывала с головы громадный бант. Я замахивалась, и Чика, совершив угрожающий выпад вперед, застывала в агрессивной позе, через секунду успокаивалась и принималась что-то выискивать в зеленоватой шерстке на лапе, но вдруг опять корчилась и драла юбочку и бант. А на заднике отражалась тень гимнастки на трапедии Аллы Сидоровой, по афише – Альвианы Дорси. Из зала доносились то аплодисменты, то, в кульминационных моментах, единодушное «ах!»

Ната вырядилась в черное парчовое до пола платье, накрутила по-цирково, то бишь чересчур, дабы с самого последнего ряда щеки не казались блеклыми и выделялись глаза. Вблизи же такая маска производила вампирское впечатление. Ната молчала, поскольку шептать не умела, а ее бас прорвался бы и сквозь оркестровку. Зато дала волю рукам. Тыкала рукояткой плетки то в обезьян, то в Эмилию Францевну. Меня не замечала, вероятно, принципиально. Однако когда объявили номер, будто невзначай хлестанула по поясице и вывалилась на сцену. Я вскипела, но не будешь же выяснять отношения во время работы. После же получилось вроде и поздно, да и волновала меня к тому моменту иллюзионная ваза. Лина так и не удосужилась залезть со мной внутрь, зато поинтересовалась, умею ли я толком делать комплимент, и заставила продемонстрировать, как я его изображу, вынырнув из вазы. Я прыгнула на месте и раскинула руки, повертелась, улыбаясь воображаемой публике.

Лина поморщилась.

– Что это? – она нарочито нелепо скрючила ладони. – Чего ты растопырилась? Локти углами, пальцы торчат, будто в дерьмо влипла... Смотри как надо, ап!

И она вспорхнула и плавно развела руки.

– Да пусть делает, как делает, – жуя чего-то, вмешалась Чесливьская. – У нее это в образе, как раз и костюмчик... кхм... соответственный.

Я зашла в хореографическую комнату и сделала комплимент перед зеркальной стеной: действительно, аляповато, но ведь я всегда так раньше изображала, еще в бытность в художественной самодеятельности. Заглянула Эмилия Францевна и сказала, что на дорожку надо выгулять собак, потому как сразу после иллюзии начнется погрузка и будет некогда.

Прямо Арлекином отправилась я на улицу. Стемнело, и по-прежнему сыпал дождь. «Вот посетила незнакомый город, – взгрустнулось мне, – но что толку? Будто бы и не была». Собаки обнюхивали жухлую траву, опавшую листву, стволы деревьев, а я посочувствовала и им. Объездили почти всю страну, даже были в Польше и Болгарии, а понимают ли это?

Перед иллюзией мы с Линой забрались в фанерную сердцевину раскрытого цветка и униформист Гриша смежил лепестки, превратив конструкцию в вазу. Лина протиснула ногу между моих коленок, обняла правой рукой за шею, левой за пояс и положила подбородок на мое плечо. Шепнула: «Обними же меня!» Я обняла, но боялась давить. Лина рассердилась: «Прижмись сильнее!»

Ядро покатилося куда-то, но мы ничего не видели. «Еще не на сцене», – догадалась Лина.

Она тонко пахла нежными духами, и мне казалось, что я слышу, как движется кровь в ее теле. «Мы как близнецы-зародыши в животе», – сказала тихо в ее волосы.

Ядро покатилося опять, и сверху загрохотал плеск, но вода на нас не попадала, а стекала в резервуары лепестков. Впрочем, две-три капли, кажется, упали Лине на обнаженную спину, потому что она как-то странно пошевелилась. Ее губы коснулись моего уха: «Сейчас...» А я не сообразила: «Что?» Тут цветок развалился, и снопы прожекторов ударили в глаза. Я опрокинулась кувырком через спину, а Лина элегантно взлетела и замерла с милой улыбкой. Я вскочила и раскорячилась в комплименте. Зрители бурно аплодировали. Гриша покатилов цветок прочь. Лина устремилась в правую кулису, а я прыснула в левую.

Стоя в кулисах и приходя в себя, смотрела, как княжна превращает трости и зонты в букеты ярких бумажных цветов. Отдышавшись, поплелась в гримерную. Войдя, тут же встретилась глазами с Линой. Она улыбнулась, но не с прежним высокомерием, а очень даже и подружески. В автобусе и вовсе удивила не только меня, но и остальных, попросив униформиста Гришу, который всегда сидел возле нее, пересесть. Он слегка заартачился, но она заявила, что ей надо срочно, по горячим следам обговорить со мной некоторые рабочие моменты. Гриша нехотя повиновался. Я смущенно заняла его сидение и приготовилась внимательно слушать, но, как только поехали, Лина сразу задремала. Я стала смотреть в окно, хотя там – абсолютно черно, и лишь изредка высвечивались люминесцентно дорожные знаки на обочине. Голова Лины вдруг склонилась на мое плечо и я, вздрогнув, отстранилась. Лина капризно протянула:

– Ну не шевелись!

И я вернулась в прежнее положение. Лина вновь прикорнула ко мне на плечо, и теперь стало неудобно глядеть в окно, но я не посмела двинуться до самой гостиницы.

Очнувшись, Лина оказалась бодрой и голодной.

– Идем сразу в кабак, – вцепилась в мой рукав.

– Но у меня джинсы потертые...

– Ерунда, смотреть-то будут на меня.

– Я сыта, – отрезала с обидой.

– Одной не хочется. Хотя бы в бар зайдем, – она потянула меня улицей к ресторанному входу, который находился на противоположном углу здания.

В बारे никого. Лина огляделась и приуныла.

– Зайдем лучше в ресторан.

– Вчерашнего высматриваешь, – буркнула я. – Опять будете куролесить.

– Ты же спала, – хитро сощурилась Лина. – Или подсматривала? А! Покраснела!

Я выдернула руку и метнулась прочь. От бара и ресторана имелся прямой вход на этажи. Я перескакивала через две ступени. Лина частила следом и звала: «Ну, постой, погоди, не сердись, я пошутила, извини!» Я остановилась на втором этаже. Она подроспела.

– Вот буфет, – кивнула я на дверь, – хочешь есть, зайди.

– Да не работает он уже.

Под буфетной дверью светилась щель. Я подергала ручку – заперто. Постучалась. Зачем-то ударила ногой.

И тут откуда-то появилась девушка.

В холле перед буфетом сумрачно, и я не заметила, откуда она подошла. Может, поднялась или спустилась по лестнице, или вышла из темной глубины длинного, огибающего все здание, коридора. Только вдруг оказалась возле нас. Ростом чуть пониже меня. В джинсовой курточке и красной бейсболке, надвинутой почти на глаза. Она окинула нас презрительным взглядом и сдержанно проговорила:

– Идите спать.

При этом вставила ключ в скважину замка буфетной двери, вошла внутрь, закрыла дверь и все.

И все.

Я упала в обморок.

Лина потом сказала, что сразу и не сориентировалась в произошедшем. Она видела, что я стояла, а потом плавно осела и растянулась на полу. Опомнившись, Лина наклонилась, потормошила меня и я вроде как приподнялась, но сама этого не помню, а затем опять отключилась. Лина с перепугу отхлестала меня пощечинами, и я открыла глаза. Тут уже пришла в себя и произнесла:

– Какой ослепительный был свет... Что это такое?

Лина не поняла. Вокруг по-прежнему стояла полутьма. Помогла встать и мы пошли по ступеням на третий этаж. Я не унималась:

– Ты не видела сияние? Все вдруг озарилось, но откуда исходил свет, где источник – не ясно.

– Успокойся, – увещевала Лина. – Сейчас ляжешь, ты вся горишь.

Она помогла мне раздеться, расправила постель, запаковала под одеяло и даже заботливо подоткнула его. На лоб аккуратно положила смоченное холодной водой вафельное полотенце. Куда-то убежала, но вскоре возвратилась. Дала запить голубенькие таблетки. Потушила верхний свет, оставив бра над своей кроватью. Села на краешек моей постели и заворковала сказку про гадкого утенка, но я слушала невнимательно.

Размышляла, что же такое приключилось возле буфета, пыталась восстановить каждое мгновение. Вот мы поднялись, вернее, я первая... но не это важно... темно, вот стоим у двери со светящейся щелью, вот появилась она... нет, не так быстро... как я ее увидела? Сперва почувствовала взгляд из-под надвинутого на лоб козырька... Нет, не могу понять. Вроде бы ничего не случилось особенного, но я, лежа в постели и слушая детскую сказку, чувствовала, что свершилось нечто таинственное в жизни, которое еще только предстоит разгадать. И твердо решила, что надо будет непременно отыскать ту девушку, возможно, прямо сейчас необходимо спуститься к буфету и прочувствовать все вновь, чтобы понять непонятное. Я вскочила, Лина пыталась меня удержать, но я вырвалась и побежала по коридору, который почему-то плотно забит людьми, и я у всех спрашивала, кто такая эта девушка, и куда подевался буфет... В общем, это уже снилось.

Открыв глаза, я очень удивилась, что потолок по-дневному светел. Привыкла вставать затемно. Динамик болтал на литовском. Приподнялась. Лина спала. Я осторожно встала. Голова кружилась. Глянула на золотые часики Лины, лежащие на ее тумбочке и перепугалась: два часа! Кинулась одеваться, но безмятежный зевок утешил:

– Я вчера отпросила тебя.

– Зачем?

– Чего ты, патриотка, что ли? Грохнулась в обморок, и какие-то собаки тебя волнуют? Успокойся. Себя люби.

Я умылась, заправила койку и, не зная чем заняться, села в кресло. Лина же залегла в ванну. Слышался шум воды, всплески.

– Подай мочалку, – раздался ее голос.

Оглядела комнату.

– А где она?

– Да здесь же на двери висит.

Я приблизилась к ванной, но войти не решалась.

– Чего ты там топчешься? – рассмеялась Лина, и я вошла, но спиной.

Сняла мочалку и протянула назад. Лина взяла. Я хотела выйти, но она сказала:

– Знаешь, я сперва подумала, что ты какая-то затурканная мимоза, а потом поняла, что нормальная.

– А когда ты это поняла? – я присела, не поворачиваясь, на краешек ванны.

– Отгадай.

Я быстро ответила:

– В вазе.

Она вдруг разозлилась:

– Дурилка ты картонная!

– Дурилка... да еще и картонная. Почему картонная-то?

– Потому что так обиднее... Чего ты спиной разговариваешь? Потри мне спину.

Я повернулась. Взяла мочалку и начала осторожно водить по ее мокрому, выступающим крылышками, лопаткам.

Кто-то задолбил во входную дверь. Пошла открывать. Это был Гриша. Увидел меня в пижаме и возмутился:

– Скоро выезд, а вы все спите. Буди Линку!

– Она моется.

– Передай, чтобы серпантин захватила, – и быстро ушел.

– Лина, захвати...

– Да слышала я, – она вышла из ванной, зябко кутаясь в махровый голубой халатик. – Одевайся скорее, еще в буфет надо успеть позавтракать.

При слове «буфет» я вдруг припомнила события вчерашнего позднего вечера и, наверное, это отобразилось на лице, потому что Лина испугалась:

– Что? Плохо?

– Нет-нет, – я принялась торопливо переодеваться.

– От снотворного голова не болит?

– А это было снотворное? Нет, не болит.

– Хочешь, иди сразу в автобус, а я тебе принесу что-нибудь из буфета.

– Я сама!

Лина вдруг рассмеялась:

– Сама-сама, а трусы надеть забыла.

– Не забыла, – покраснела я. – Они закончились.

– Как понять: закончились? – шокировалась Лина.

– Пять штук было и закончились.

– А ты больше одного раза трусы не носишь?

Я не знала, как объяснить, и промямлила, что дома каждое утро находила на стуле возле кровати свежие трусики и носочки, а вечером снимала их и оставляла в ванной.

– Тебе мама, что ли, стирала?

Я пожалала плечами и Лина изумленно проговорила:

– Отпад! Ладно, на тебе мои новые трусишки, потом научу тебя стирать.

– И носки надо.

Она не выдержала и рассмеялась.

Когда отправились в буфет, я попросила:

– Ты только никому не говори, ну, что я стирать, там, допустим, не умею, ага?

– Конечно, – твердо заявила Лина, но в глазах ее шмыгали лукавые огоньки. «Разболтает», – обреченно поняла я.

В буфете мы расположились за столиком в углу. Я специально села лицом к залу, чтобы видеть посетителей. То есть, конечно, не посетители волновали меня, а хотелось увидеть ту девушку в красной бейсболке, но с какой целью это нужно, толком не отдавала себе отчета. Меня лишь беспокоило, что я могу ее не узнать, ведь было темно, и кроме неувольного взгляда не удалось запомнить ничего, даже лица.

К нам подсел акробат Вовочка, и Лина принялась что-то нашептывать ему на ухо, при этом ехидно косясь на меня. Он хихикнул. Я засомневалась и спросила:

– Ты про что говоришь ему? Про то, чего я просила не рассказывать?

– Не бойся, мы не про тебя, – усмехнулась Лина и я убедилась по ее тону, что именно про меня речь и идет. Уткнулась в чашку с кофе, тщательно размешивая содержимое, хотя и не положила сахар.

– Вам это больше не нужно? – раздался чуть хрипловатый и очень спокойный голос.

– А? – встрепенулась я. Подняла глаза. Она. Я сразу это почувствовала.

Простое лицо: прямой нос, слегка припухлые губы. Только глаза отличались: серые, льдистые, но не холодные, а какие-то бесконечно прозрачные.

Я узнала ее и без бейсболки, и джинсовой куртки. В этих пошлых буфетческих кружевной коронке и гипюровом фартучке.

– Забирайте, – отозвалась Лина. – Мы уходим. Пойдем, эй!

– Иди, у меня еще кофе.

Лина и Вовочка поднялись и пошли.

Буфетная девушка взяла пепельницу, смахнула в нее крошки, извинилась:

– Я побеспокоила вас.

– Не-не, – лепетнула в ответ.

Она, лавируя между тесно стоящих столиков, удалилась в подсобное помещение. «Так она даже не буфетчица, – отметила я, потому что за буфетной стойкой работала другая женщина, – а посудомойка». Это поразило меня. Ведь ей всего лет двадцать. Мне бы, например, было унижительно работать уборщицей или посудомойкой. И вдруг я восхитилась, потому что необходимо иметь большую смелость, чтобы пренебрегать мнением обывателей. «Она выше всех, – решила я. – Так и надо жить: просто, смиренно, честно».

– Юрате! – окликнула буфетчица, попросив что-то на литовском. Показалась она и подала салфетки. Я обрадовалась, что узнала ее имя и повторила про себя непривычное: «Юрате».

Заглянула Лина и завопила:

– Ты все еще тут? Обалдела, что ли?! Выезжаем!

Я так и не выпила кофе. Побежала.

В автобусе гитарист Сережа громко обратился ко мне:

– Говорят, ты здорово стираешь носки, у меня там поднакопилось малость.

– Пошел ты... – я не договорила, как все заржали.

– Ну, ладушки! – заключил Курнаховский. – Заругалась девка, испортили, теперь своя.

И я внутренне озарилась счастьем, ощутив, что, действительно, коллектив сделался мне интереснее. Подумала: «Какие они все-таки хорошие люди!»

Мы были в Прекуле, городишке совсем рядом с Клайпедой, и вернулись в гостиницу рано. Вечер стоял сухой, ясный. Лина позвала меня погулять по городу, и я кивнула, но тут же отказалась. Она обиделась:

– Почему?

– Так, – неопределенно буркнула я и ушла в буфет. Хотелось молока с булочкой, но я взяла кофе. Молоко – это как-то по-детски. Кофе – изысканно.

Вдруг появилась Лина. С Вовочкой и Володей.

– А, ты здесь... К тебе хоть подсесть-то можно?

Я пожала плечами.

Они взяли именно молоко с булочками и сели ко мне.

– Кофе на ночь вредно, – сказала Лина.

Я и без того не хотела его, а тут еще они с желанным молоком и эта реплика. Хотела огрызнуться, но из служебного помещения выглянула Юрате. Посетители – только мы. Она подошла. Володя игриво окинул ее взглядом и шутливо спросил:

– Ты холостая?

– Да, – у нее дрогнули иронически уголки губ, – до вечера.

Взяла использованные стаканы и медленно ушла. На ней – очень короткая юбка.

– Ничевошная девочка, – пихнул крепьш Володя субливного Вовочку.

Но тот не сводил влюбленного взгляда с Лины. А я проговорила:

– Она необыкновенная.

Лина фыркнула и уничижительно посмотрела на меня, процедила:

– Проститутка она.

– Кто?! – меня будто электричеством шарахнуло. – Она... ясная.

– Пойдемте, ребята, – поднялась Лина и сказала мне серьезно: – Ты совершенно в людях не разбираешься.

Они ушли. Я сидела как оплеванная, будто меня лично оскорбили. Тут вломились краснолицый моряк Александр и Линкин Виктор. Оба пьяные. Виктор усадил друга за столик и тот, сграбастав рыжую шевелюру розовыми лапищами, замычал. Виктор узнал меня и извинился:

– Запой у Сашки. В какую-то девчонку втюрился безответно, страдает... Хочешь, познакомлю?

– Да, то есть, нет, потом, до свидания, – скороговористо выпалила я и смылась.

Вышла в город.

Бродила по вечерней Клайпедке и все никак не могла привыкнуть, что домики стоят впри-тык друг к другу и некоторые длиною всего-то пару шагов. Это так умиляло. В Москве я жила на просторном Ленинском проспекте и в моем доме – шестнадцать подъездов. Я даже не всех жильцов в своем подъезде знала, а тут уже встречала знакомые лица среди прохожих. Больше всего мне нравилось, что город можно пересечь за полчаса пешком и нет нужды толкаться в душном, потном, тесном и озлобленном метро. Я прикинула, и получилось, что под землей за шестнадцать лет жизни провела как минимум пару лет.

Размышления прервались встречей с Линой и двумя Вовами. Я пошла с ними и очень удивила их тем, что разбиралась в литовских вывесках. Они даже подумали, что понимаю язык, но я просто – любопытна, дотошна и памятьлива. Видела, например, над входом надпись «Pienas», заходила и убеждалась, что это молочный магазин. Затем, встречая подобное слово в другом месте, уже не сомневалась, чем там торгуют.

– Это рыбный, – показала я на «Zuvyte». – Это хлебный, – кивнула на «Bandeles». – А это гастроном.

– Насчет гастронома мы сами догадались, – улыбнулся Володя. И это было, пожалуй, нетрудно. Гастроном на литовском – *gastronomas*.

Рядом с «гастрономасом» находилась гостиница.

– Посидим немного в ресторане, – предложила Лина.

Акробаты согласились. И я тоже, хотя робела, потому что никогда доселе не посещала ресторанов.

В затемненном зале – людно, шумно, стлался табачный дым. Громко играл вокально-инструментальный ансамбль. На столах стояли плошки с плавающими свечками. Метрдотель указал на крайний столик, где уже сидели две, похожие на манекенщиц, девушки:

– Только тут уголок стола свободен.

Лина вспыхнула:

– С проститутками сидеть?!

Метрдотель развел руками:

– Больше мест нет.

Я ошарашенно посмотрела на девушек. Они слышали разговор, но ничуть не возмутились. Невольно отметила: «Юрате с ними нет». Значит, фраза Лины, брошенная презрительно в буфете, запала в душу. И я укорила себя за это. Однако и слова Юрате не давали окончательно успокоиться. Не раз прокрутила я мысленно ту сценку, когда Володя спросил: «Ты холостая?», а она проговорила: «Да... до вечера». Особенное сомнение вызывала почему-то пауза между «да» и «до вечера». И все же я заставила себя поверить, что это – всего лишь шутка, двусмысленная, но – шутка. «У нее такие глаза, – убеждала я себя, – что она не может быть порочной, никак не может». Я вдруг поняла, что сияние, свет, озаривший тогда меня, исходил именно из ее необычных льдистых глаз.

– Идем отсюда, – уже в третий раз дергала меня за рукав Лина. Мы пошли вверх по лестнице, но Володя передумал и вернулся.

– Посижу с девчонками, – азартно сказал он.

Лина тут же решила идти с Вовочкой к нему в номер.

– Надо же пользоваться моментом, – усмехнулась сладострастно, – пока Володьки-то нет. Вовочка засиял.

Я вернулась в комнату одна. Из ресторана, даже сквозь стекла, доносилась музыка. Посто-яла у окна перед отражением и пошла в ванную. Долго, тщательно стирала трусики и носки. Повесила их сушиться на трубу и с гордостью подумала, что совсем сделалась самостоятельной. Легла спать, а музыка в ресторане все играла.

Лина заявила посреди ночи. Навеселе. Я пробудилась от грохота в коридоре. Ее качнуло на стенной шкаф, и там обрушились вешалки. Потом она полезла в ванную и, плескаясь, старательно напевала алябьевского «Соловья». В итоге мокрая, дрожащая от холодного комнатного воздуха полезла ко мне под одеяло.

– Подвинься, тут у тебя тепло, – и, клацая зубами, рассказала, что Володя привел одну из ресторанных девушек к себе, и они вчетвером пили шампанское. Проворковала чего-то еще неразборчивое и затихла. Я потихонечку выкарабкалась наружу и перелегла в ее кровать.

Наутро Лина очень удивилась, обнаружив себя в моей постели, но, когда я вернулась с собачьей прогулки, спросила иначе:

– Чегой-то ты ко мне в койку улеглась?

Естественно, я еще и виновата оказалась.

Выездной концерт предстоял в Жемайчу-Науместис. Не очень далеко от Клайпеды, но мы умудрились опоздать, потому что водитель дезориентировался. Он спросил у путника, как добраться до этого городка и тот, не проронив ни звука, махнул рукой в другую сторону. Автобус телепался куда-то с полчаса, а потом стало ясно, что дорога ложная.

– Они не хотят говорить по-русски, – расстраивался водитель. – Нарочно сбивают с пути.

Тут Лина объявила, что я понимаю литовский и, как только на обочине завиделся человек, все загомонили, чтобы я узнала у него направление. И у меня получилось, хотя и наговорила кучу лишних слов, упомянув даже пресловутый «гастрономас». Остаток поездки наши смеялись, пародируя мой прибалтийский акцент.

В Жемайчу-Науместис дом культуры окружили взволнованные люди, переживающие, приедут артисты или нет. Издалека завидев пыльный автобус, захлопали в ладоши. Маль-

чишки, как всегда, кинулись помогать таскать реквизит. Среди них шмыгал рослый негр-теноч. Эмилия Францевна радостно узнала его, а позже рассказала мне, что работала тут на гастролях лет пять назад и видела мальчугана совсем маленьким.

– Мы тогда еще не работали с Натой. У меня были только собачки, а у нее только обезьяны и мы ездили с разными коллективами, – Эмилия Францевна вдруг приуныла. – Потом дирекция решила, что развелось слишком много номеров с собаками и присоединила меня к Нате.

– Вы не хотели?

– Если бы я возразила, то немедленно отправилась на пенсию, ведь мне уже почти семьдесят... да-да, не удивляйся... а собак бы списали... понимаешь, что это значит?

– Усыпили бы? – и я решила отвлечь ее от печальных мыслей. – Интересно, откуда в этой глуши завелся негр-теноч?

Эмилия Францевна задорно улыбнулась:

– Да, жить ой, как интересно!

В гостиницу возвратились поздно, и мне взгрустнулось: «Больше не увижу сегодня Юрате».

Дежурная по этажу отсутствовала, а без нее мы не могли взять ключи. В холле имелся телевизор. Мы включили его и расположились в креслах. Показывали остросюжетный детектив, но все устали и смотрели без внимания. Увидели спускающегося с четвертого этажа жонглера Кукушкина. Он уже успел принять душ, переодеться и направлялся играть в преферанс к клоуну Эдуарду Ивановичу, живущему на втором этаже. А наша дежурная всё отсутствовала. Кукушкин пообещал отыскать ее, но никто ему не поверил и, едва он скрылся, от зависти принялись хулить жонглера.

– Отдыхаете? – неожиданно прозвучал знакомый голос. Я встрепенулась, посмотрела. Юрате стояла рядом. Покачивалась слегка. На лице блуждала неровная улыбка.

– Крошка, иди сюда! – развязно позвал ее конферансье Ян, но Юрате присела на подлокотник кресла, в котором сидела я, и очень тихо произнесла:

– Хороший фильм?

Посмотрела мне прямо в глаза. Я сконфузилась. Юрате будто и не ждала ответа. Положив ладонь на мое плечо, слегка оттолкнулась, встала и нетвердой походкой пошла прочь. Ян бросил ей вслед:

– Моя комната триста один!

Она оглянулась, засмеялась и исчезла в полутьме коридора.

«Не может быть, – твердила я про себя. – Она хорошая, чистая, добрая... – и словно загнулась, а потом с горечью констатировала: – А ведь она пьяная».

– Извините! – прибежала запыхавшаяся дежурная и одарила нас ключами с брелками в виде здоровенных деревянных сабо.

В комнате я сердито заявила Лине:

– Мы совершенно не репетируем.

– А почему? – парировала она и заперлась в ванной. Приняла душ, ускакала куда-то.

Прибежала вскоре и весело крикнула:

– Немедленно спускаемся в ресторан!

Я уже расправила постель и собиралась лечь.

– Ни за что, – буркнула раздраженно. – Тебе хорошо, ты отсыпаешься, а я с шести утра на ногах.

– С костюмами... – не слушала меня Лина. – Работать будем.

– Где?!

– В варьете. Прямо сейчас. Вовки уже начали.

– А мы-то что покажем?

– Ты пожонглируешь, а я всегда с номером женщина-змея выступаю, в узел гнусь, – и она засмеялась, добавив: – Пьяные мужики это любят.

Прихватив арлекинскую шкурку, последовала за Линой, на ходу прокручивая в памяти последовательность трюков, с которыми выходила на самодеятельной сцене.

Отработали так стремительно, что я даже не успела осознать того факта, что выступали мы в ресторане, куда народ пришел не с целью встречи с искусством, а гульнуть. Запоздало припомнились осоловелые физиономии, пережевывающие еду, пьющие и, самое обидное, смотрящие на пяточок эстрады как-то вскользь, а то и вовсе не обращающие на артистов внимания. «Никогда больше не соглашусь на такое унижение, – клялась я себе, переодеваясь в закутке возле кухни, – ни за какие деньги!» Но не только соглашалась, а даже и искала подобного ангажемента.

Заглянул метрдотель и сказал, что нас приглашают на рюмочку за один из столиков. Я отказалась, тогда он кисло улыбнулся:

– Могут быть неприятности.

– У вас? – весело уточнила Лина.

– И у меня тоже, но меньше, чем у вас.

Лина потянула меня в зал. Я успела снять только колпак с бубенцами и оставалась в ромбовидных трико и жилетке. Так и вышла.

Столик, где нас ожидали, располагался в затемненном углу и несколько в стороне от прочих. Занимали его посверкивающие золотыми фиксами, обветренными здоровяки. Единственный свободный стул тут же заняла Лина, закинула ногу на ногу и понесла какой-то милый вздор. Хозяева загоготали. Один из них плеснул в стакан водки и небрежно протянул мне:

– Пацан, выпей с простыми мужиками.

Я растерянно взяла стакан. Лина захихикала:

– Она не мальчик.

«Простые мужики» ошарашенно оглядели меня. Тот, который угощал водкой, качнул головой и развел руками.

– Тогда шампанеры даме!

Но я из принципа вцепилась в стакан с водкой. Поднесла ко рту, в ноздри шибануло сивухой, передернулась. Они развеселились.

– Выдохни с силой, а потом ахни!

– Знаю, – соврала я и выдохнула. Поднесла и опять не смогла выпить. Они потешались вовсю. Разозлилась и стала пить. Как квас в зной, большими, жаждущими глотками. До доньшка. И тут же стал душить рвотный ком. В панике не знала, куда деть стакан.

– На-на-на, закуси-ка! – сунули в рот что-то скользкое, солоноватое. Сглотнула и отдышалась.

– Как? Хорошо?

И я заулыбалась:

– Нормально.

– Присаживайся, – хлопнул себя по ноге угощавший и я села к нему на колени. – Москвички?

Я чувствовала, как горячие волны из желудка растекаются по всему телу, и почему-то захотелось смеяться. И я засмеялась, обняла этого прекрасного человека, и даже хотела расцеловать, но Лина вдруг накинулась на меня с руганью, и потащила вон. Я упиралась, но ей взялись помогать и наши новые знакомые. Как я ни сопротивлялась, а им удалось препроводить меня в номер. Заперев дверь снаружи, они ушли. Я долбила в преграду, умоляла кого-то подошедшего освободить меня, а потом осела и тихо, но безутешно плакала – пока не заснула.

Проснулась оттого, что Лине не удавалось отворить дверь. Сперва никак не могла понять, почему я сижу на корточках в прихожей, сообразила, поднялась. Лина влетела, пылливо всмотрелась в мое лицо и только после этого произнесла:

- Прочухалась! Ну, ты, мать, даешь...
- Чего, а? – потирая затекшие мышцы, жалобно мяукнула я.
- Стране угля... чего, главное, спросивет... пить меньше надо!
- Так я вообще ведь не пью...
- Ни фиги себе! Один за одним стаканы хлестала с водярой!

При упоминании о водке я метнулась в ванную и обрушилась на унитаза, вожаденно обняв его.

– Пьяница! – припечатала Лина, когда я, жалкая, мокрая после обливания под умывальником, мелко дрожащая, возвратилась в комнату. – Ложись спать, четыре утра, тебе всего два часа на протрезвление осталось.

Я покорно упаковалась под одеяло. Лина погасила свет и тоже легла. После некоторого молчания вдруг саркастически проговорила:

- А ты ведь ее любишь...
- Кого? – пробубнила я в подушку.
- А про кого ты в ресторане как подорванная захлебывалась?!
- Про кого? – млея от догадки, лепетнула я.
- Про Юрате эту, из буфета...

И я дернулась, будто застигнутая врасплох, хотя ее ответ не явился неожиданным.

– Чего молчишь? – выждав, спросила Лина, но я не знала, что сказать, и притворилась заснувшей.

Спускаясь утром к дрессировщицам, думала, что Эмилия Францевна опять заметит мою измочаленность, но старушка уже, видимо, привыкла и нечего не сказала. После прогулки я опять завалилась до часу дня и после дневного выгула тоже спала. Выезд назначен на пять вечера, и я успела прийти в норму. Лина тоже спала целый день, и мы поднялись с ней одновременно в четыре. Я полагала, что она начнет меня пилить, но Лина как ни в чем не бывало взялась готовить кофе.

В окно я увидела Юрате. Она развешивала во дворе на веревки белые полотенца. Закончив, вошла в арку примыкающего к гостинице жилого дома, который составлял четвертую стену внутреннего двора-колодца. «Может быть, она живет там?» – и я начала разглядывать окна.

– Что там? – заглянула через мое плечо Лина и я порадовалась, что Юрате уже исчезла, но тут она вновь появилась. Лина усмехнулась и пришлепнула меня по спине.

– Пей кофе, и пойдем. Сегодня недалеко едем, в Палангу.

Я обернулась с расширенными глазами.

– В Па-лан-гу?!

– Да, – растерялась Лина. – А что такого? Ты не знала?

Я судорожно сглотнула, прошептала:

– Но там же море...

Лина отмахнулась.

– Какое здесь море? Море в Сочи. Ну, в крайнем случае, в Одессе.

Я не обращала внимания на ее пресыщенные слова. Для меня море должно было случиться здесь и сегодня, и я трепетала: «Ну, наконец-то!»

В автобусе Лина затараторила о вчерашних событиях, которые в предверии встречи с морем казались мне уже пустячными.

– Это даже ничего, что ты накирялась, а то пришлось бы с ними делить, как говорить, ложе...

Тут она запнулась, и я на нее мельком глянула, подумав невольно: «Небось, ты-то не рас-
терялась...» И поразились, потому что Лиана покраснела и примолкла. Впервые я наблюдала ее
смущение и поняла, что не такая уж она нахалка, какой кажется.

Прибыли в Палангу, маленький курортный город с серенькими коттеджиками среди
могучих сосен.

Едва выйдя из автобуса, я сразу почувствовала присутствие моря, хотя оно оставалось
незримым.

Сам по себе день выдался ненастным: низкое небо, порывистый ветер. Но здесь воздух
по-особенному стылый, влажный до густоты и насыщенный йодистым запахом. Пространство,
словно от работы огромной подземной машины, непрерывно могуче рокотало.

До концерта оставался еще час, и я бросилась искать море. Курортный сезон кончился,
и мне навстречу не попадался ни один человек. Наугад бежала я по пустынным улицам. Рокот
нарастал, ветер делался сырее и холоднее. Нетерпение подхлестывало: «Сейчас я увижу море!»
Оно чудилось за каждым проулком. В боку закололо, я сбавила темп, но не остановилась.
Закончились дома, начались сплошные сосны. Я опять сорвалась в бег. То бежала, то шла,
а моря все нет. Уже стоял не рокот, а грохот, но море не показывалось.

Сосны оборвались, и я замерла, увидев белые как снег дюны. Утопая по щиколотки в мел-
ком и нежном песке, заторопилась дальше мимо низких ивовых изгородей, врытых в дюны.
Я совсем выдохлась, но, будто гигантским магнитом влекомая вперед, не останавливалась.
Происходящее напоминало сон, в котором упорно стремишься куда-то, но никак не можешь
достичь заветной цели.

Наконец, заметила деревянный настил, тянущийся вверх по дюнам, упирающийся прямо
в небо. Поняла, что за ним и откроется море.

Постояла. Отдышалась.

Рванулась. Настил длинный и гроыхающий. Доски пружинили, как трамплин, и я совер-
шала гигантские перепрыги. Вскрикивала, отбивалась, взлетала со вскинутыми руками.

Настил кончился внезапно. Я взлетела и в полете этом увидела огромное в полнеба
и в полземли неизвестное животное. Обрушилась вниз на склон дюн и панически закарба-
калась вверх, потому что в этот самый миг гигантское живое существо стремительно понес-
лось на меня. Я понимала, что убежать бесполезно, гибель неминуема, но инстинкт гнал прочь.
Орала затравленно, песок осыпался, и я оползала вместе с ним, опять карабкалась и снова
съезжала. Животное ревело буквально за спиной, но почему-то не хватало меня. Я оглянулась,
села.

Это, без сомнения, и есть море, но я его не узнала. Видела на картинках и по телевизору,
а живым не узнала.

В тот день бушевал шторм, но я этого не понимала. Подумала, что такое море, зна-
чит, всегда: играюще вздыбливающее шупальца размерами с восьмизэтажный дом, бросающее
на много метров здоровенные шары воды. На горизонте шевелилась выгибающаяся вверх дугой
чернотища, и в этой мрачной дали угадывалось что-то вовсе страшное.

Я вспомнила, как сказала маме по телефону: «Море – это много-много воды...» и поежи-
лась, – мне все казалось, что так стремительно, дико мчащиеся на берег громадные волны все-
таки не смогут затормозить и накроют меня, но они неожиданно, почти на одном и том же
месте, умирлялись и откатывались восвояси.

Уйти, не прикоснувшись к морю, представлялось невозможным, и я, когда волна
отползла, встала на то место, куда она дотягивалась. Волна уже мчалась вновь. Хотелось отбе-
жать, но я смело ждала. Захлестнуло до коленей. И ничуть не страшно! Холодно только. Опять
катилась волна, и я попробовала схватить ее руками. Не удалось, только обрызгалась.

Заметила вдали идущего по берегу человека и отчего-то застыдилась быть уличенной
в играх с морем, решила, что пора уходить. К тому же и время поджимало.

Обратный путь оказался гораздо короче и легче. Настил прямо выводил на широкую, посыпанную каменной крошкой, тропу, а та перерастала в улицу, которая упиралась непосредственно в площадь, где находился дом культуры.

– Ты чего мокрая? – испугалась Эмилия Францевна. – Купалась, что ли, в одежде?

Я наврала, что оступилась и случайно сползла в воду. Старушка заставила меня снять носки и накрутить вместо них газеты. Кроссовки с носками водрузили на батарею. И все надо мной смеялись, и никто не верил, что я не нарочно намокла. Оскорбилась, хотя они были абсолютно правы.

Думая о море, я отвлеклась, и макака-резус Жанна, воспользовавшись моим столь романтическим настроением, вцепилась мне в руку. Я истошно завопила от боли. Крик долетел и на сцену, и танцовщик на проволоке Валерик, выступавший в этот момент, спрашивал потом, кого убивали. Отдирая обезьяну, Ната заодно отхлестала кнутом и меня. Рукав арлекинской одежды пострадал, но зато хоть чуть-чуть предохранил от более серьезной раны. Эмилия Францевна во второй раз за вечер спасала меня. На этот раз смазала следы от клыков зеленкой и перебинтовала руку.

– Будет долго болеть, – посочувствовала она, – от обезьян укусы тяжело заживают.

Действительно, мышцы выше запястья опухли и ныли. Еще и Лина, когда мы обнимались в вазе, так надавила на рану, что я застонала. Чесливьская просипела снаружи:

– Тихо там, охламонки!

И я страдала молча.

В гостиницу приехали рано. Напрямик из автобуса я пошла в буфет. Но Юрате не работала. Стоя у раздачи, я искоса посматривала в подсобку. Над раковиной ковырялась пожилая женщина. Я взяла кефир и галеты, а когда посудомойка протирала соседний столик, как бы невзначай поинтересовалась:

– У вас посменный график?

– Да, два дня через два.

– Удобно, – лишь бы что-то сказать отреагировала я, соображая, что Юрате, стало быть, объявится в буфете лишь послезавтра. «Впрочем, мне все равно», – словно оправдываясь перед кем-то, тут же подумала я.

Лины в номере отсутствовала.

Я села на подоконник и с грустью воззрилась на безлюдный двор. Белые полотенца, что развешивала утром Юрате, уже не висели на веревке. Окна стены напротив, того самого жилого дома, в маленькую арку которого скрылась Юрате, кое-где светились.

Неожиданно влетела Лина.

– Ага, на боевом посту! – съехидничала она. – Высматриваешь Юрате?

– Да, – сухо сказала я. – Тебе что? Отвяжись.

Лина расстроилась:

– Чем она тебя так зацепила? Самая заурядная проститутка, таких десятки во всех гостиницах...

– На себя посмотри. Ты-то кто?

– Я не проститутка, я денег за любовь не беру, – она усмехнулась. – Если уж на то пошло, то я на букву «б» называюсь... усекла?

– Называйся, как хочешь, а других не пятнай. Ты что, застала ее с кем-нибудь? Свечку что ль держала, когда она с кем-то...

– Ой-ой-ой, тебе бы в адвокаты! Какую свечку, когда это очевидно, черт возьми! Вон она сейчас фарцует фирменными шмотками, которыми с ней матросня расплачивается, да-да! У Курнаховского в номере. Сходи, убедись, не веришь... Я вот, смотри, бюстгальтер какой клевый у нее купила...

Я соскочила с подоконника и побежала. Чуть не шибила кого-то в коридоре. По лестнице спрыгивала через три ступеньки. Курнаховский жил в люксе прямо возле буфета. Без стука ворвалась к нему.

Она была там.

Куранховский вальяжно развалился на диване, закинув верстовые ноги одна на другую, тут же сидела и Любка-администраторша. Юрате стояла перед ними. В руках держала джинсы. Ее поза показалась мне похожей на рабскую: этакая безропотная холопка перед барами. «Зачем унижаешься?!» – хотелось гаркнуть мне, но я лишь потрогала штанину, будто щупая материал.

– Райфловские, – проговорила Юрате, – родные.

– Сколько? – не глядя на нее, спросила я.

Она назвала сумасшедшую цену. У меня не водилось таких денег, но я не подала виду.

– Мне черные нужны, – сказала сдержанно, и вдруг заметила у нее на шее золотую цепочку с брильянтовой капелькой.

– Черные есть, но дома, – ответила Юрате.

– Цепочку эту не продашь?

– Нет, она мне самой нравится. Вчера моряк один уезжал, подарил.

– Просто так не дарят, – убито произнесла я.

– Зачем же просто так? – улыбнулась она.

Я быстро пошла вон. Нет, не осуждала. Увидев лишь эту знакомую цепочку и поняв все окончательно, я тут же и простила Юрате, и тут же оправдала в своем сердце. И все же – горько.

Села в кресло холла второго этажа и закурила. Хотелось плакать. Вдруг подумалось: «Какой странный день. Я приобрела море и потеряла Юрате...» Потом узнала, что море на литовском «juga» и имя Юрате означает именно «море».

Юрате как раз появилась из номера Курнаховского. Медленно шла по темному коридору в сторону моего холла. Я не выдержала. Поднялась, пошла торопливо ей навстречу. Не знала, что сказать, и ляпнула:

– Хочешь курить? На.

Протянула пачку «Явы».

– Я не курю, – устало сказала она. И я поразились перемене в ней. Только что в номере у Курнаховского – весела, любезна, а тут вдруг так посерьезнела. «Не курит!» – восхитилась я, будто это – подвиг. И вновь все во мне ликovalo: «Она необыкновенная, хорошая, чистая... можно быть и... кем угодно, и оставаться чистой!» И мне так захотелось сказать ей что-нибудь доброе, но я не осмелилась.

– Джинсы черные будешь смотреть? – как-то равнодушно поинтересовалась она.

Я отрицательно покачала головой.

– Спокойной ночи, – тихо попрощалась она, улыбнулась и пошла вниз. А я постояла и отправилась наверх. Возле дверей номера неожиданно сообразила, что зря отказалась смотреть черные джинсы. Возможно, мы пошли бы к Юрате домой. Покупать необязательно, а узнать, где и как она живет, очень хотелось. И я решила, что завтра обязательно отыщу ее и попрошусь в гости.

Но назавтра у нас случился ранний выезд в отдаленный, почти на самой границе с Латвией, городишко Скуодас. И вернулись мы поздно.

И на следующий день ездили далеко, в Таураге. С утра я заскочила в буфет, но Юрате не увидела. Слышала ее голос из мойки, хотела заглянуть, ведь имелся повод, но тут меня опередил какой-то парень. Вошел, и Юрате стала смеяться. Я посидела еще немного и ни с чем удалилась.

Так с этими черными джинсами и не задалось.

Мотаться по окрестным селениям – интересно, но я все же изрядно устала, и вдруг что-то поломалось в автобусе, и возник незапланированный выходной. Всей группой собрались

в музей-аквариум, расположенный на Куршской косе, в бывшей бастионной крепости Копгалис.

Подморозило. Дул ветер, но день ясный: старательно светило бледное солнышко.

Вышли к паромному причалу, находящемуся в устье Дане. Я полагала, что паром – это некая платформа, которую передвигают с помощью тросов, но им оказался очень милый, похожий на потрепанный башмак, кораблик, который неуклюже покачивался у пристани, поджидая пассажиров. У меня возникли сомнения: «Как бы не зачерпнул кормой...», но я успокоилась, увидев над кассой расписание рейсов: он курсировал туда-обратно с раннего утра до позднего вечера. Следовательно, являлся надежным как московское метро.

Взошли на палубу, и вот задорно застрекотал моторчик, вспенивая воду и поднимая с волн чаек. Чайки, переругиваясь между собой: кайк-кайк, – зависли над паромом и, когда он бодро зачал в просторы Куршского залива, понеслись за ним. Любуясь их игрой, пассажиры кидали им куски хлеба, а они ловко ловили их на лету. Мы пожалели, что не захватили с собой ничего лакомого.

Я стояла, держась за поручни, и смотрела на мрачно-зеленый от росших на нем сосен дальний берег. Вдруг ощутила бездну под собой, а ведь мы продвигались всего лишь через залив. «Каково же должно быть ощущение посередине моря?» – подумала с первобытным страхом. Лина обняла меня со спины, запахивая одновременно своим кожаным плащом на меху.

– Тебе, наверное, очень холодно в одной джинсовой курточке?

Но я чувствовала не холод, а километровое движущееся пространство под собой и больше ни о чем не могла думать. Впрочем, когда она прижалась ко мне, то тут же и поняла, что продрогла.

Берег приблизился. Паром ткнулся носом в пристань. Чайки с преспокойным видом уселись на воду и сразу превратились в бумажные лодочки, миролюбиво покачивающиеся на волнах, но по их хитрым глазкам ясно, что они готовы в любую минуту сорваться с места и устроить веселую перебранку.

Мы двинулись на самый нос косы к музею. У Лины – фотоаппарат, и она фотографировала меня возле судов-ветеранов, в этнографической усадьбе рыбака, на фоне плещущихся в бассейнах балтийских тюленей и прогуливающихся по бортикам антарктических пингвинов, но фотографий я от нее в последствии так и не получила.

После музея все разбрелись по берегу. Мы ходили вчетвером: Лина, я и Вовки. Надеялись найти янтарь.

Я удивилась, встретив сегодня совсем другое море, чем в Паланге. Оно спокойно раскинулось от края и до края. Где-то далеко, как мелкая аппликация, застыл белый теплоход. Падал редкий тихий снег и растворялся в серой серебристости моря. У меня даже закружилась голова: утратилось чувства неба и земли. Высь тоже – серо-серебристая. Все светилось странным, словно не имеющим источника, светом. И я вспомнила глаза Юрате, и поняла, на что они похожи: на это зимнее море.

Берег как стеклом покрыт коркой льда с вмерзшими в него черными водорослями, мелкими известковыми ракушками, камешками. Лине повезло, она нашла янтарь. Я так огорчилась, что мне ничего не попадается, что она со смехом отдала его мне. И я буквально обомлела от счастья.

Вернулись к причалу, а мне вдруг подумалось, что янтарь – это застывшие в ледяной воде солнечные лучи. Они отламываются, долго блуждают в пучине, а потом их выбрасывает на берег. И сказала ребятам:

– Янтаринки – это маленькие кусочки солнца.

А они рассмеялись и назвали меня бесплатным клоуном. Я опять загрустила, но Лина чмокнула меня в висок и подмигнула:

– Не обижайся, мы очень тебя любим.

И я поверила. Почему-то, когда говорят, пусть даже шутливо, что любят тебя, всегда в это охотно верится.

Вечером мы опять подрабатывали в ресторанном варьете. И вновь нас пригласили на рюмочку, но уже другие люди. Рюмочка оказалась вовсе и не рюмочкой, а вместительным фужером. Правда, наливалась не водка, а сухое вино. Но я умудрилась и на этот раз перепить. Помню, плясала с каким-то бородачом и, видимо, взбултыхнула содержимое желудка, затошнило. Убежала. И больше не возвращалась. Всю ночь подташнивало, и я все время бегала к унитазу. А Лина так и не ночевала.

Автобус починили и снова мы, можно сказать, поселились в нем, потому что дорога занимала порой часа два-три в один конец. Мы выступали с концертами в Шилале, Ретавасе, Салантайе, Дарбенайе, Кретинге, Швекшне, Куляе, Плунге, Пагегяйе, Русне. И каждый раз гадали, какая нас ждет сцена. Не занозистые ли полы, не торчат ли в них гвозди? Униформист Гриша перед каждым представлением ползал по доскам на коленях с молотком и заколачивал все торчащее. Достаточно ли высокие колосники? Иногда гимнастке на трапеции Алле приходилось поджимать ноги, чтобы не задеть сцену. Конечно, эффект от такой работы не только терялся, а приобретал комический вид. Но особенно всех волновало: отапливается ли помещение и не сильно ли сквозит? Часто артисты скидывали куртки и пальто за секунду до выхода и появлялись почти голые с лучезарными улыбками перед закутанными, дышащими паром, зрителями. Тут только оценила я свой дурацкий костюм Арлекина: в нем – тепло. А Лина вечно мерзла. Уж я-то знаю: она, полубнаженная, всегда мелко дрожала, когда мы кукожились в фанерной вазе.

Наконец, наступили отрадные дни. С пятницы, седьмого ноября, и на целую неделю мы начинали давать концерты в самой Клайпедке. Причем, Дом культуры рыбака находился совсем рядом с гостиницей, напротив памятника Ленину. В Дом культуры мои дрессировщицы и переместили живность.

Теперь я выгуливала собак в примыкающем дворе.

Праздничным утром активно посыпались мокрые крупные хлопья снега, тут же быстро таявшие. Бульжные тротуары блестели слегка подмерзшими лужами.

Возвращаясь с утреннего выгула собак, я застряла на переходе через центральную улицу. Не пропускало милицейское оцепление, хотя по мостовой, будто прогуливаясь, влачилась лишь жиденькая демонстрация. Не виделось ни красных флагов, ни транспарантов. Если бы я не знала, что сегодня праздник Великого Октября, то и не поняла бы, по какому поводу сие вялотекущее шествие. Наконец, гуляющие продефилировали, и милиционеры смилостились. Но, едва я пересекла улицу, как гурьбой помчались велосипедисты в желтых жилетах. К чему они присовкуплялись на революционном праздненстве, мне, с детства насквозь просоветченной, и вовсе непонятно. Однако, пребывая уже более двадцати дней на литовской земле, я, как вирус, подхватила значительные сомнения, например, по поводу добровольного объединения пятнадцати республик СССР и, в частности, дружбы народов. Поэтому и не слишком удивилась канареечным велосипедистам: клайпедчане просто отдыхали, не злоупотребляя воспоминаниями – по какому, собственно, поводу Москва расщедрилась на лишней выходной.

Купив традиционную «Советскую Клайпеду», поднялась в буфет. Хотела подарить Юрате билеты на наше представление. Мы уже постоянно здоровались, но нельзя сказать, чтобы дружили. Она находилась в буфете, но случайно, потому что сегодня не работала. Я предложила билеты как бы невзначай, но она ответила, что ей уже дал их Ян-конферансье. Чтобы не выдать досаду, я тут же вручила билеты буфетчице Илоне. Та очень обрадовалась. Юрате улыбнулась снисходительно и покинула буфет. Выждав немного, я тоже ушла.

Направилась к Яну. Он брился. На жиденьких с проплешинкой волосах лепилась сеточка.

– Ты что, с Юрате дружишь? – налетела сходу. Он отстранил электробритву от пухлой, в склеротических жилках щечки.

– Кто это такая?

– Ну, из буфета...

– Ах, посудомоечка... хо-хо! Я и не знал, как ее зовут-то.

– Значит, дружишь?

– Как понять – дружишь? Переспал разок, да и все... – вдруг его веселость испарилась. –

А что у нее? Не триппер ли?

Я посмотрела на него с ненавистью и молча вышла. Он кинулся следом.

– Постой, чего ты скрываешь-то, а?! Что с ней?! Трепак, скажи же, ну?!

Развернулась и взвизгнула:

– Не знаю!!!

– Я как чувствовал, – опал он пухлыми плечами, засуетился. – Ты еще к Кукушкину зайди, предупреди! Да, и скажи, у меня трихопол есть!

«И Кукушкин тоже...» – совершенно расстроилась я.

В номере застала Лину стоящей на голове.

– Выездных нет, – не переворачиваясь, сказала она. – Можно начинать репетировать.

А я думала горькое: «Почему Юрате такая? Зачем ей нужны эти мерзкие Яны, Кукушкины, рыжие матросы? Ведь она... она пронзительная, не похожая на всех, и втаптывает себя в грязь, почему?»

Уселась с ногами на подоконник. Снег преобразовался в дождь. Уныло смотрела я на промокший двор сквозь сползающие прозрачными паровозиками струйки, и вдруг увидела в одном из окон напротив Юрате. Прямо над аркой. Она тоже сидела на подоконнике с ногами и неспешно чистила большую вяленую рыбину. Иногда застывала и подолгу глядела на пустынный клочок каменного двора. Лицо отрешенное, взгляд невидящий.

Лина подошла к подоконнику и насмешливо спросила:

– Что, нету твоей Юрате?

Она не заметила ее на фоне серого дождя, в сером окне серого дома. И я соврала:

– Нету.

– Идем, пообедаем, и пора на площадку.

В честь праздника предстояло два концерта, и уже приближалось время первого.

На месте, переодевшись, я прильнула к щелочке в занавесе. Не знала, когда приглашена Юрате, и высматривала ее среди многочисленной публики, но не нашла. Впрочем, судя по ее настроению в окне, она вряд ли куда и собиралась.

Закончили первое представление, и я повела на выгул всех десятерых собак скопом. Для животных отвели комнату на четвертом этаже, и бегать вверх-вниз с малыми партиями крайне утомительно. Благо они уже привыкли ко мне и слушались. Даже Дик усмирил свои велосипедные качества. Впрочем, я жалела его и хотя бы разок в день гоняла с ним сломя голову.

Во дворе, в беседке, заляпанной размокшим снегом, сидела четверка пацанов и играла в карты. Мне показалось странным подобное занятие: снег, дождь, промозгло, а они, как ни в чем не бывало, перекидываются в дурака. Ребята же исподволь наблюдали за мной. И это, безусловно, зрелище: непонятное существо в арлекинском наряде со сворой мельтешащих песиков.

– Лабадиена, – несмело бросил мне один из них, белобрысый худышка с озябшими покрасневшими ладонями. У него – невероятно голубые глаза и очень беззащитые. И еще меня поразили губы: будто он только что ел сочную вишню.

– Аш не супранто, – ответила я, то есть: «Я не понимаю», хотя прекрасно знала сказанное им приветствие: «Добрый день!», просто хотела сразу обозначить, что я русская. Они, впрочем, в этом и не сомневались. Другой паренек, высокий, с вьющимися мелкими колечками льняными волосами, сказал, что только сейчас был на представлении и видел меня.

– А я вечером пойду, – сообщил голубоглазый.

– Билетов уже нет, – заявил третий: крепыш и единственный русский с темными глазами. И я сказала, что оставлю для них контрамарку в кассе.

– И мне еще раз, – попросил кудрявый.

– А тебе? – обратилась я к четвертому. Но тот скривил губы и покачал головой.

– Я перерос детские забавы, – медленно произнес он. При этом стальные глаза его устремились куда-то сквозь меня.

Друзья его немного смутились. Четвертый на вид – старше их и вел себя эпатажно.

– Как хочешь! – с деланным пренебрежением усмехнулась я. Мне этот последний не понравился. Он явно считался лидером и влиял на остальных. Я всегда терпеть не могла таких давящих на психику субъектов.

Улыбнулась пацанам нарочито радушно:

– Мы с подругой будем работать только для вас.

И они засияли.

Я узнала, как их зовут. Голубоглазый – Валдас. Выяснилось, что ему, как и мне, исполнилось шестнадцать, но он, невысокий и хрупкий, выглядел на четырнадцать. Кудрявый – Юрис. Крепыш – Женька. Им по семнадцать. Четвертый не представился. Он – уже двадцатидвухлетний старик.

На вечернем концерте я опять прильнула к кулисам, но высматривала знакомых ребят, а не Юрате. Обнаружила, и стало так приятно, что кто-то свой есть в зале. Вдруг захотелось, чтобы быстрее началось представление, а потом чтобы быстрее кончилось, и чтобы уже быть на улице с собаками, где должны поджидать меня новые знакомые.

Когда я вышла после окончания на выгул, совсем стемнело, но они сидели в беседке. Втроем, без взрослого приятеля. Пили бутылочное пиво. Увидев меня, оживились, а Валдас побежал навстречу. Короткая замшевая бежевая куртка на меху распахнута. Добежав до меня, он растерянно остановился, и молча с восторгом воззрился в глаза. Я сама растерялась и обескураженно заулыбалась. Оба молчали. Собаки замотали нас поводками и столкнули друг с другом. Мы вовсе сконфузились. Но не предпринимали никаких попыток распутаться. Подбежали Юрис с Женькой и со смехом принялись растаскивать кишмя кишаших и скандалящих шавок.

– Ты будешь пить пиво? – когда освободились, спросил Валдас.

– Нет... не знаю... я никогда не пробовала.

У него такие утренние, детские глаза, что совсем не хотелось лгать и казаться круче, чем есть.

Мне дали попробовать, но не понравилось.

– Горькое.

– В Клайпеде самое лучшее пиво в Советском Союзе.

Я ничего о пиве не знала, но их самодовольная кичливость меня покорила.

– А меня зато обезьяна укусила, – парировала я и задрала рукав, показывая бинт с киношному выступившими капельками крови. Против такой экзотики им крыть нечем и они лишь завистливо переглянулись.

Пиво пить не смогла, и тогда пацаны предложили взять винца. Опять же какого-то самого лучшего. Выпивать мне вообще совершенно не хотелось, но и расставаться с ребятами тоже. Я согласилась, дала им координаты нашего гостиничного номера, посоветовала подниматься через ресторан, а то на главном входе могли и не пропустить, и заторопилась отвести собак.

Меня тревожило, как воспримет Лина моих гостей, но она отсутствовала. Я наспех прибралась в номере, и парни как раз пришли. Принесли пять бутылок. И я ужаснулась от мысли: «Кто же это все будет пить?»

– Кальвадос, – представил спиртное Валдас, и опять же доселе я не слышала этого названия. Подумала разочарованно: «Почему все такие опытные, знающие, а я будто с необитае-

мого острова...» Действительно, ведь успели же они и в пиве разобраться, и курили правильно, и какой-то кальвадос откопали!

Имелось всего два стакана, и мы пили по очереди. Это не совсем удобно, потому что, когда пьют одновременно, то на тебя никто не смотрит, а тут я чувствовала себя неловко под взглядами юношей. Правда, они из вежливости старались не смотреть прямо, но все же, конечно, видели, как я кривлюсь и давлиюсь.

Первой бутылки как не бывало. «Ловко мы!» – весело подумалось мне, а потом глядь – уже вторая пустая.

Тут объявилась Лина. Она шокированно уставилась на компанию, но я не дала ей опомниться, обняла сналету, расцеловала и заставила выпить полный стакан кальвадоса. Моя пьяная энергия сбила ее с толку и она подчинилась.

– Отрава! – воскликнула тут же. Я принялась рьяно отстаивать достоинства данного напитка, но Лина рассмотрела бутылку и ухмыльнулась:

– Дешевка яблочная!

Но выпитое подействовало и на нее, и вскоре мы сидели впятером на одной кровати, обнимались, раскачивались, и пытались петь литовские народные песни, но закончилось это всеобщим:

– О-ой, моро-оз... моро-о-о-оз, не-е моро-озь меня-а, ма-а-его-о коня-а-а-а-а... бело-гри-и-ивого-а-а-а-а-а-а....

Постучалась дежурная и попросила шум прекратить, а посторонних удалиться.

– Сейчас все устрою, – сказала Лина, извлекла из недр чемодана коробку шоколада, схватила початую бутылку кальвадоса и ускакала в коридор. Вернулась через полчаса, взяла еще одну бутылку, целую, и опять скрылась, сказав, что они с дежурной классных мужчинок подцепили. Я поразились, как можно променять общество моих мальчишек на каких-то там мужчинок и высказала Лине это. Она презрительно проговорила, что с детворой ей неинтересно.

– Мне нужен добротный секс, – заключила нахально.

Мы почувствовали замешательство и, когда она ушла, еще долго ощущали неловкость. Но кальвадос расслабил, и опять принялись петь песни.

Валдас вдруг трепетно обнял меня, и ткнулся поцелуем в щеку. И я чмокнула его. Он сказал:

– Я влюбился в тебя.

– Так не бывает сразу, – ошеломленно проговорила я.

Он опечалился:

– Я бы не торопился с признанием, но ты скоро уедешь, понимаешь?

И я кивнула, и лепетнула:

– Ты мне тоже очень нравишься.

Юрис расстроился:

– А я?

– А я? – повторил обиженно Женька.

Но мы прижимались друг к другу с Валдасом, и счастливо улыбались. И они стали молча смотреть на нас. Валдас что-то сказал им на литовском, и они засобирались. Я потребовала перевода, и Валдас сообщил, что они принесут еще вина. Но пацаны больше не пришли. Я догадывалась, что так и будет, и хотела, чтоб так случилось.

Мы долго целовались, а потом легли вместе. Я призналась, что у меня еще не было мужчины. И Валдас прошептал, что у него тоже не было женщины.

Рано утром я отправилась гулять с собаками, а Валдас пошел домой. Мы договорились встретиться вечером. Вернувшись в гостиницу, я с ужасом развернула постельное белье: кровь! В панике свернула и не знала куда деть, хотела замочить и отстирать, но тут явилась Лина и рассмеялась моему горю.

– Надо заплатить горничной, и дело уладится.

Я попросила ее сходить договориться, потому что сама сейчас не годилась на решительные действия, и она согласилась.

Белье поменяли. Причем горничная так хитро поглядела на меня, что я вся зарделась. Потом не смела поднять глаз на Лину, но она не обращала на меня внимания: завалилась спать и накрылась одеялом с головой.

А я залезла под душ и целый час, наверное, намыливалась и терлась мочалкой. И думала, что как это странно, что я встретила мальчика и влюбилась в него так случайно. Ведь я могла бы никогда не приехать в Клайпеду и не узнать его. Как бы тогда сложилась моя жизнь, и кто был бы первым мужчиной? Нет, мне не хотелось никого другого. Им не мог быть никто другой. Валдас внутренне очень похож на меня. Мы совершенно не стеснялись друг друга, как будто являлись одним человеком. И еще я удивлялась тому, что мир совсем не изменился с того момента, как я стала взрослой женщиной.

После ванной тоже легла спать, и Лина разбудила меня за час до начала представления, около трех.

– Чтоб я еще пила этот кальвадос! – пожаловалась она.

Мне тоже сейчас вспоминать о нем не хотелось.

Мы двинулись в Дом культуры рыбака. Валдас ожидал меня у служебного входа. За спиной прятал маленький как хвостик букетик беленьких цветов. Я взяла Валдаса с собой за кулисы, и он дивился тому, как мы компактно упаковались в вазу. После представления пошли вдвоем гулять по городу. Я впервые ходила с парнем в обнимку и, несмотря на то, что он чуточку ниже меня ростом, это – удивительно приятно.

– Ты любишь кататься на метро? – любопытствовал вдруг он. Я удивилась. Метро являлось неотъемлемой частью московской жизни, и слово «кататься» сюда не подходило. Оно напомнило мне детство, когда, действительно, поездка на метро воспринималась празднично.

– Не знаю.

– В Клайпедке тоже построят метро, – мечтательно проговорил он, и я поняла, что для него метро являлось чем-то вроде моря для меня, ведь он его никогда не видел.

– У вас есть море, – примирительно сказала я.

– Что море? Это все равно, что небо или земля, а вот метро...

На тумбе, обклеенной плакатами, я заметила, что на нашей афише перед названием коллектива «Верные друзья», кто-то приписал буквосочетание «СК» и получилось: «Скверные друзья». Указала со смехом Валдасу, а он огорчился, что Клайпедка встречает нас невежливо, но я возразила, что это не хулиганство, а шалость в духе цирка.

Возле гостиничного входа мы повстречали ежащихся Юриса и Женьку.

У них – пиво. Сегодня я побоялась вновь вести друзей к себе. Вдруг в голову пришла мысль отправиться в подъезд Юрате. Ребятам я ничего не сказала про девушку, просто предложила спрятаться от холода в соседнем дворе.

Мы обошли здание гостиницы и вступили в арку жилого дома. Это – не внутренняя арка, соединяющая дворы, а с улицы. И как раз возле внутренней арочки я увидела подъезд. Прикинув расположение окна, где видела раньше Юрате, решила, что это именно тот, что нужен.

Мы вошли внутрь. Темнотища, пахнет заплесневелостью.

– Эти дома предназначены на снос, – шепотом произнес Валдас. Голос его отозвался шелестящим эхом.

– И гостиница тоже? – почему-то огорчилась я.

– Да, они еще в прошлом веке построены, обветшали совсем.

Мы поднялись на второй этаж и примостились на подоконнике.

В подъезде – тихо, никто не входил и не выходил.

Я уже поняла, где дверь квартиры Юрате, и подбадривала себя: «Подойди, постучись, позвони...», но, конечно, не трогалась с места.

Подъездная дверь внезапно сильно хлопнула, кто-то легко взбежал по лестнице. Перед нами возник вертлявый молодой человек. Он окинул нас любопытствующим взглядом, но ничего не сказал. Подлетел к двери Юрате и надавил кнопку звонка, еще раз, подержал палец на кнопке.

– Нету ее? – спросил и, не дожидаясь ответа, побежал вниз. Опять сильно бацнула входная дверь.

У нас кончилось пиво, и вообще пора уже расходиться. Мы спустились во двор, вошли в арку, и вдруг навстречу заглянул милицейский патруль. Мои пацаны прыснули обратно в подъезд, и я зачем-то следом, не понимая причины, по которой необходимо скрываться. Взбежали на самый верх. Здесь оказались нежилые квартиры. Мы с Валдасом юркнули в одну из них, а Юрис с Женькой в какую-то другую.

Долго стояла мертвая тишина. Мы с Валдасом сидели в камине, накрывшись рогожкой. Я почти беззвучно поинтересовалась:

– А зачем мы спрятались?

– Не знаю. Юрис с Женькой побежали, а я за ними. Теперь уже поздно переигрывать.

Раздался зовущий шепот. Не по-русски, но я различила: «Эй!» Мне показалось, что это Юрис, и я отозвалась.

– Ага! – сорвал с нас рогожку милиционер. Пришлось распрямляться. Милиционер победно улыбался. Обратился ко мне на литовском, но я сказала, что не понимаю. Он не поверил. Тогда Валдас заступился за меня и пояснил, что я из Москвы.

– Чего побежали?

– Так, – пожал Валдас плечами.

– А ты?

И я пожала плечами.

– Малолеткам так поздно бродить не полагается.

– Нам уже по шестнадцать, – оскорбилась я. Он усмехнулся иронически:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.